

**АЛЕКСАНДР
КРАСНИЦКИЙ**

ВОСКРЕСШАЯ

ДУША

(СБОРНИК)

Александр Иванович Красницкий

Воскресшая душа (сборник)

Серия «Слово сыщика»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8163722
Александр Красницкий Воскресшая душа:
ISBN 978-5-17-108437-0

Аннотация

Знаменитые детективы А. И. Красницкого!

У молодой купеческой дочери таинственным образом один за другим умирают перед свадьбой шесть ее женихов. Седьмой бросает вызов судьбе, решив разгадать эту тайну.

В центре Петербурга, в собственной квартире, ночью зверски убит известный делец. Перед этим в гостях у него был таинственный незнакомец.

Приподнять таинственную завесу, раскрыть все эти преступления может только несравненный Мефодий Кобылкин – русский Шерлок Холмс, русский Мегрэ, русский Пуаро!

Содержание

Воскресшая душа	5
I	6
II	13
III	20
IV	27
V	34
VI	41
VII	49
VIII	56
IX	64
X	71
XI	79
XII	86
XIII	93
XIV	99
XV	106
XVI	114
XVII	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Красницкий

Воскресшая душа

Серия «Слово сыщика»

Выпуск 3

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Воскресшая душа

I

Минька Гусар

В грязной чайной вблизи огородов и пустырей за Обводным каналом хрипел граммофон. Его никто не слушал. Было слишком рано, только начинались сумерки морозного ноябрьского дня. Обычные посетители этой трущобы – мусорщики, поденные рабочие, босяки и вообще всякий люд неопределенных и темных профессий – еще отсутствовали. Пользуясь безлюдьем, за прилавком похрапывал буфетчик. В дальнем углу прикорнул на стуле его единственный слуга, парень крепкого сложения. Хрипенье граммофона было привычно для них и не мешало спать. Керосиновая лампа коптила и чадила, но и противный запах не будил спавших.

Однако их сон все-таки был чуток. Едва слышное бряцанье колокольчика на наружной входной двери вмиг пробудило обоих. Буфетчик уставился суровым взглядом на дверь. Слуга вскочил со стула. В этот момент внутренняя входная дверь распахнулась, в чайную ворвались с улицы клубы морозного воздуха, и в них обрисовалась человеческая фигура.

При взгляде на вошедшего суровое выражение сбежало с лица буфетчика.

Посетитель был маленького роста, подвижный старичок с мелкими чертами лица, крючковатым носом и гладко выбритым подбородком, его глаза были прикрыты очками в ме-

таллической оправе. Одет он был небогато, но чисто: в теплое пальто с барашковым воротником и такого же меха островеверхую шапку. Старичок вошел в чайную с видом завсегда, уверенного в хорошем приеме.

– Огня-то в лампе, Дмитрий, убавь! – закричал он еще с порога. – Ишь, как коптит! Эх, креста на вас нет: не бережете хозяйского добра. – Затем, обращаясь к буфетчику, добавил: – Сергею Федоровичу почет!

Буфетчик был уже около гостя и с заискивающей улыбкою лепетал:

– Евгению Николаевичу... Сколько лет, сколько зим! Разоблачайтесь. Позвольте, помогу...

– Ничего, ничего, я сам, – запротестовал гость, впрочем, не особенно уклоняясь от любезных услуг буфетчика. – Мало привычен я к деликатностям-то... А вот насчет лет и зим, так это вы как будто того...

– Как же-с, помилуйте! – заегозил буфетчик. – Вы у нас, можно сказать, редчайший гость...

– Ну, уж и редчайший... Так, по знакомству, бываю... – Евгений Николаевич говорил и в-то же время протирает стекла своих очков. – Ты бы, Сергей Федорович, машине-то своей пасть заткнул. Беда от этих граммофонов: гудят, и слова из-за них сказать нельзя.

Это было сказано спокойно, даже шутливо, но Сергей Федорович бросился к граммофону. Евгений Николаевич между тем надел очки, достал из кармана сюртука платок, отер

им лицо и направился к столику у окна.

Дойдя до столика, он сел на стоявший около него стул.

– Чайку? – подлетел к нему Дмитрий.

– Можно. Собери ка. Сергей Федорович, а, Сергей Федорович!

Буфетчик, уже справившийся с граммофоном, очутился около гостя.

– Что прикажете, Евгений Николаевич?

– Да вот садись-ка, прежде всего. Одни мы?

– Одни с, Евгений Николаевич.

– А повар?

– Что же повар? Он – свой. Да и нет его в настоящую секунду.

– И прекрасно! Ну, что скажете хорошенького?

– Относительно чего, Евгений Николаевич?

– Ну вот, непонятливый! О чем же нам говорить то? О заказе спрашиваю...

В это время Дмитрий подлетел с подносом, на котором гроыхали чайник и чашки.

– Скатерку, скатерку, Дмитрий, да почище! – засуетился Сергей Федорович. – Так вы, Евгений Николаевич, относительно заказа? Исполнено-с!

Лицо старика оживилось при этом сообщении.

– Да ну? – воскликнул он. – Нашли?

– Как же иначе? Сказано – сделано: у нас все так.

– Где же он?

– Раненько пожаловали, Евгений Николаевич, – произнес буфетчик, усмехаясь. – Сами знаете, кто же из них в эту пору у нас бывает? Теперь все в разброде: кто где... Обождать придется.

– Ну что же, подожду. Так вы уверены, что это тот самый, который мне нужен?

– Еще бы! Уж я свое дело знаю... Все сходится, как вы указали. Да вот что: разве попытать счастья. Дмитрий! Сбегай-ка на огород Кобранова, туда сегодня народ сбивали парники рогожами покрывать, спроси Миньку Гусара. Ежели там – тащи сюда, скажи, я требую...

Схватив шапку и обернув горло какой-то тряпкой, Дмитрий выскочил за дверь.

Сергей Федорович и гость остались одни. Несколько секунд они молчали, меряя друг друга взглядами.

– Смею спросить, Евгений Николаевич, – заговорил первым буфетчик, – на что это вам так Минька Гусар занатобился? Пропаций ведь он совсем: никакого толка. Из отпетых отпетый.

– Вот его судьба теперь и выходит: хочу человека осчастливить.

– Та-ак... – протянул с заметным недоверием Сергей Федорович. – Только вряд ли что выйдет. Даром хлопотать будете... Позвольте налить чайку?

– Пожалуйста. А почему вы думаете, добрейший, что даром?..

– Докладывал я вам: человек отпетый. У него даже образа и подобия человеческого нет... Сущяя грязь он – вот что. Никаких стараний не стоит.

Сергей Федорович, видимо, ожидал, что его сообщение произведет впечатление на собеседника, но тот сперва нахмурился, а потом вдруг засмеялся и воскликнул:

– Вот, добрейший, нам это самое и нужно!

– То есть что же? – не понял буфетчик.

– Да вот-то, что образа и подобия человеческого у этого вашего – ну, как его? – Миньки Гусара нет.

Тон Евгения Николаевича был игривый, Сергей Федорович хотел что-то сказать в ответ, но в это мгновение в чайную ворвался Дмитрий, крича:

– Идет! Минька Гусар идет! Нашел я его... на кобрановских огородах.

Евгений Николаевич при этом окрике вздрогнул.

– Трезвый Минька то? – спросил у Дмитрия буфетчик.

– Не-то чтоб первой трезвости, но как следует... Он, Сергей Федорович, спрашивал, какая в нем у вас надобность, я не сказал ничего. Требуют, да и все!

– Молодец! – похвалил его буфетчик и, обращаясь к гостю, сказал: – Если побеседовать думаете, так у меня, Евгений Николаевич, для этого каморочка найдется... как бы вроде отдельного кабинета.

– Прекрасно! – ответил гость. – А что, Митя, Гусар-то ваш, как по внешности? Хорош?

– Картина – да и все! – кинул Дмитрий, захохотав. – Хоть сейчас на выставку, ежели кого напугать нужно.

– Да я не про то... Как он? Очень оборван?

– Не только оборван – общипан весь!

– Ну, вот вот, я про это и спрашиваю. А что, Сергей Федорович, одежонки какой-нибудь для этого человека у вас не найдется?

– Одежонки? Так разве вы его с собой взять хотите?

– Именно взять.

– Не советую-с, хоть и не мое это дело, – проговорил буфетчик, отставляя в сторону стул. – С таким, можно сказать, субъектом в одной комнате быть противно, а не только что с собой его брать... а насчет одежонки, ежели вы, Евгений Николаевич, приказываете, похлопочу... Найдется для вас.

Евгений Николаевич раза два сердито сдвинул брови, но потом воскликнул:

– Вот и прекрасно, если найдется! Поторопитесь же, достойнейший. Знаете, это ничего, если ваш костюм не по последней моде будет, только бы мне вашего Гусара с собой вывезти... А за мной ваши хлопоты не пропадут...

– Знаю-с, – успокоил его Сергей Федорович. – Так я пойду, поищу... Да позвольте! – вдруг воскликнул он, взглядывая в полузамерзшее окно. – Вот и Гусар собственной персоной...

Действительно, двери с шумом распахнулись, и в чайную ворвался не человек, а, скорее, человеческая фигура, заку-

танная в невообразимой пестроты лохмотья. Последние были запорошены снегом, кое-где на них висели примерзшие ледяные сосульки. Голова фигуры была покрыта изорванным женским платком, подвязанным концами под подбородком. Сверху из-под платка выбивалась копна густых, черных, слипшихся и смерзшихся волос, а снизу во все стороны торчала густая, всклокоченная борода.

– Минька Гусар, полюбуйтесь, ежели не противно! – ироническим тоном провозгласил Сергей Федорович, указывая гостю на ворвавшегося босяка.

II

Последняя ценность

Ядовитое презрение, сквозившее в словах буфетчика, не обидело, а, наоборот, развеселило Миньку Гусара. Он захохотал и стал выкрикивать отвратительно гнусавым голосом, обращаясь-то к буфетчику, – то к Дмитрию:

– Верно, любезнейший, верно! Любуйтесь, кому не противно. Вот я как есть, во всей моей неподражаемой красе. Монстр! Уника! Фурор! Этуаль особого рода! Перл мироздания и в-то же время последняя степень человеческого падения. Что, милостивый государь, как вы находите? Хорош? – вдруг обратился он к Евгению Николаевичу.

Тот не спускал с него пристального взгляда. Минька, очутившись в теплом помещении, согрелся и успел развязать и сбросить платок, закутывавший его голову. Теперь можно было разглядеть его лицо. Оно было моложавое, со следами былой красоты. Волосы на голове слиплись, перепутались и лежали копной, свисая редкими жесткими космами к плечам, а на щеках переходя в густую бороду. Лицо, опухшее, отекшее, с багровым цветом кожи, резко выделялось на фоне волос. Под глазами темнели синяки, на правой щеке виднелась еще свежая царапина. Тело Миньки было завернуто в лохмотья, державшиеся на нем только потому, что он ухитрился обвязать их через плечи и вокруг туловища бечевками

и мочалом. На одной ноге была стоптанная, рваная галоша, на другой лапоть.

– Хорош? – переспросил Минька, не дождавшись ответа Евгения Николаевича.

– Уж что и говорить, – картина, да и все тут, – вставил свое замечание Сергей Федорович, – свой брат Исаакий босяк и то брезгует.

– Совершенно справедливо, любезнейший, но зато в этом моя сила и гордость. Понимаете ли вы, какая гордость? Гордость падения! Ты кто? – вдруг подскочил Минька к буфетчику. – Ты – человек! А я кто? И я – человек! Но ты возвышен, а я унижен. Ты – верхняя ступень, я – подножка самой последней. Ты – красота, я – грязь, нечисть. Смотри же на меня со своей высоты и любуйся на-то, чем ты можешь быть внизу. Но я выше тебя. Я совершенен в своем падении, а ты?..

– Поехал! Не раз мы эти твои представления видели. Надоело. Вот тут тебя по делу спрашивают, – указал буфетчик на Евгения Николаевича.

Минька в одно мгновение очутился около старичка.

– Так это вы, господин хороший, меня, Миньку Гусара, из тьмы кобрановских огородов на тусклый свет сего учреждения призвали?

Евгений Николаевич утвердительно кивнул головой.

– Вы? – тон Миньки ясно выражал его искреннее удивление и недоумение. – Вы? Позвольте же на вас посмотреть?

Вы тоже в своем роде единственный! Ушам не верю. Вот не ожидал-то, что моя персона, которой, как вы изволили слышать, свой брат Исаакий брезгует, кому-нибудь на этом свете занадобится!.. Интересно знать, зачем? Впрочем, это праздное любопытство. Приказывайте, весь к вашим услугам, но, конечно, не даром. Вы понимаете, в наш век презренный металл – это все. Итак, чем я могу быть вам полезен?

– Садитесь, – указал ему на стул Евгений Николаевич. – Вот стул, прошу присесть... Мне нужно сказать вам конфиденциально несколько слов. Да что же вы? Садитесь!

Но, несмотря на это настоятельное предложение, Минька продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Позвольте, это недоразумение, – лепетал он, беспомощно разводя руками, – мне говорят «вы» и даже просят садиться! Что же это такое? Может быть, я сплю и вижу сон? Ущипните меня, милостивый государь! Нет, не ущипните, а дайте мне хорошенько вот по этому месту, – указал Минька на затылок, – прошу вас, не стесняйтесь, тогда я проснусь, приду в себя. Но я вижу, что вы изволите хмурить брови! Вы гневаетесь? Пардон-с. Повинуюсь и сажусь. – Он присел на краешек стула, но тотчас же развалился на нем, положив ногу на ногу. – Итак, – сказал он, – насколько я сужу по предисловию, у нас должен быть деловой разговор.

– Да, – подтвердил Евгений Николаевич, – очень серьезный. Одну минуту! Сергей Федорович, похлопochи, о чем я просил!

– Это для него то? – кивнул головой на Миньку буфетчик.

– Вот, вот... Пусть и Митя там с тобой побудет... Нам тут два слова по секрету сказать нужно...

– Понимаю. Пойдем-ка, Митька, поищем.

Евгений Николаевич и Минька остались одни.

– Вы меня пугаете, милостивый государь! – заговорил босяк. – Это ваше появление, эта таинственность, переговоры с глазу на глаз... Тут что-то кроется! Может быть, какой-нибудь криминал? Так предупреждаю заранее, что я на него не пойду! Прошу помнить: я беден, но честен!

– Верю, дорогой мой! – воскликнул Евгений Николаевич. – И можете быть спокойны: дело, которое я к вам имею, ничего криминального не содержит.

– Чего же вы от меня хотите?

– Экий человек! Да ведь сказал я вам, что жажду беседы с вами. Только и всего. Ежели вы насчет костюмчика своего стесняетесь, так не беспокойтесь. Он удобен лишь для пребывания во тьме кобрановских огородов, но я это предусмотрел. В настоящее время Сергей Федорович подыскивает вам что-либо более подходящее для нашего предполагаемого путешествия.

Минька молчал, только его глаза так и бегали по фигуре собеседника, не перестававшего улыбаться.

– Ничего не понимаю, – сказал он, – кому я понадобился? Зачем понадобился? Хоть убей меня, не разберу... Вы видите, что это такое? – указал он на фонарь под глазом и

царапину.

– Превосходно вижу: били вас недавно.

– Ага! И как еще били то! Смертным боем! Думал, живым не уйду... И меня часто бьют, бьет всякий, кто находит в этом удовольствие... Я, знаете с, даже не противлюсь. Пусть!.. Так видите, каков я?! И говорю я это к тому, что желаю знать, чего вы от меня хотите? Чего в вашем лице люди от меня хотят? У меня нет ничего, совсем ничего такого, что может иметь какую-нибудь ценность. Нет даже человеческого достоинства... Ничего! Ничего! Скажите, зачем вы пришли за мной? Зачем разыскивали меня?

– Именно, как иголку в стоге сена...

– Зачем? Скажите, без этого я не пойду с вами... Я не боюсь никого и ничего, но хочу знать, зачем иду. Это – мое право, мой каприз. Не я к вам пришел, а вы ко мне, я могу требовать и ставить условия.

– Эге, как вы заговорили-то! – засмеялся Евгений Николаевич. – А еще хвастается: «У меня и человеческого достоинства нет!» Да разве так поступают те, у кого оно отсутствует? Ну, да все равно. Признаю ваши права. Вы ошиблись, уверяя меня, будто у вас ничего нет. Есть кое-что, добрейший, есть! Так, по нынешним временам, пожалуй, и пустячок, да вот мне этот пустячок и понадобился. Я пришел за ним, и беседа наша об этом пустячке будет, и куплю я его, ежели мы с вами сторгуемся, а если не сторгуемся, ну что поделывать? Разойдемся – вот и все... Итак, в пустячке дело!

– О чем вы говорите? – забормотал ничего не понимавший Минька. – Что есть у меня ценного?

– Что? А вот, милостивый государь мой, что, – и, перегнувшись через стол, Евгений Николаевич глухим шепотом бросил прямо в лицо Миньке: – Ваше имя!

Сказав это, он спокойно сел, наблюдая за реакцией собеседника. Минька сидел с побледневшим лицом, беспомощно опустив руки.

– Водки бы! – жалобно прохрипел он.

– Водочки? Можно! Только уж не здесь, а там, где наша приятная беседа продолжаться будет.

– Нет, теперь, сейчас! Жжет меня! Я с ума схожу!

– Охотно верю. Так тем более надо немедленно идти со мной... Сергей Федорович! – крикнул Евгений Николаевич, подойдя к двери за прилавком, куда ушел с Дмитрием буфетчик. – Готово там у тебя?

– Все готово, как по мерке подобрал, – раздалось из-за двери. – Пусть идет.

– Слышите? – обернулся к Миньке старик. – Идете? Если идете, так идите... Чего валандаться-то в самом деле? Ну!

Теперь Евгений Николаевич говорил уже грубо.

– Да, вы правы, – поднялся со своего стула Минька. – Я похвастал, что у меня потеряно все... Вы правы. Пожалуй, кое-что и осталось. Так все равно: пусть ничего не будет! Иду. Одевайте меня, ведите куда хотите. Пропадай последнее! Куда идти? Сюда?

– Вот и хорошо! – потирая руки, воскликнул Евгений Николаевич. – Пойдемте, сейчас мы вас преобразим, и станете вы таким красавцем, что хоть под венец...

Минька смерил его с ног до головы презрительным взглядом и молча прошел в каморку.

Несколько минут чайная оставалась пустой. Потом из каморки вышли Сергей Федорович и Дмитрий. Первый презрительно усмехался, Дмитрий казался растерянным.

– Что же это, Сергей Федорович, – бормотал он, – нас как будто прогнали?

– Слышал? Сам с сокровищем захотел возиться! – усмехнулся буфетчик. – Неспроста это! Козодоев не такой человек, чтобы без выгоды что-нибудь делать. Ох, неспроста! Только, Митька, помни: наше дело – сторона. Обо всем молчок! В нашем положении Евгений Николаевич – сила!

III

Босяк граф

Прошло несколько минут.

– Ну, каков? – вдруг раздался возглас Евгения Николаевича.

Козодоев прошел из каморки на середину чайной и обернулся, любуясь вышедшим за ним Минькой.

В самом деле, босяк переменялся до неузнаваемости. На нем было надето довольно чистое пальто. Копна волос подобралась и укрылась под шапкой, борода и усы были приведены в порядок. Но изменила Миньку не одежда, в нем самом произошла заметная перемена. Он глядел гордо, даже высокомерно, от прежней забитости и беспомощности не осталось и следа.

– Ай да Минька! – воскликнул Сергей Федорович. – Да тебя ли я вижу?.. Евгений Николаевич, да вы – сущий маг и волшебник!

– Не будем терять времени, – обратился старик к Миньке, – пойдём! Дай-ка, Митя, мне мое пальтишко... Федорыч, сосчитаемся потом... Я еще забегу.

– Не извольте беспокоиться, Евгений Николаевич! Ну, Минька! Не ожидал! – Сергей Федорович даже прошел вперед и сам распахнул дверь перед уходившими Козодоевым и Минькой. – И дивные же дела! – воскликнул он. – Если бы

своими глазами не видел, ни за что не поверил бы!.. Ты это, повар, откуда появился?

Вопрос относился к мужику, появившемуся в чайной, пока Сергей Федорович и Дмитрий провожали Козодоева и Миньку.

– Как это откуда? – удивленно произнес он. – Из кухни! Откуда же еще?

– Да ты разве дома был? А я-то сказал, что ты отлучился.

– Где там отлучился? На печке спал. Слышь-ка, Федорыч, ведь это Козодоев сейчас был? Да? И, никак, Минька Гусар с ним?..

– И Минька был... Ты к чему речь-то ведешь?

– А к тому, что кабинет наш от моей кухни всего-навсего перегородкой отделен, так с печки я кое-что слышал. Именно дивные дела! Слышь, твой Козодоев Миньку раза два сиятельством называл, да не в шутку, а всерьез.

– Да ну? – присел от удивления буфетчик. – Не причудилось тебе спросонья?

– Какое там спросонья! Явственно слышал. Они там заговорили, я и проснулся, притих на печке-то и все от слова до слова слышал. Козодоев ему, Миньке то: «Ваше сиятельство», – а Минька дерзит: «Вы, мол, откуда про это дело разнюхали?»

– Ну, ну! Что же ему старик-то на это?

– Засмеялся и говорит: «Моя обязанность такая, чтобы все узнавать, вот я про ваше сиятельство все и знаю. А знаю

я про вас затем, что хочу малую толику детишкам на молодчишко заработать». Потом больше ничего такого не говорили, и старик только переоблачаться Митьку заставлял да торопил все, а затем к вам вышли.

– Сиятельство, сиятельство, – заговорил сам с собой Сергей Федорович, – стало быть, или граф, или князь... Может, так, может, не так. Вернее всего, что так... Эх, маху я дал. Кабы знать да ведать про это «сиятельство», можно было бы к Козодоеву приснаститься... Эх!.. Чего там! Опять, молодцы, говорю, вы про себя держите все это дело. Никому ни гугу! Пусть оно и с «сиятельством» до поры до времени, как в могиле, будет похоронено, а там посмотрим, что будет... Иди-ка, повар, разводи свой куб.

Между тем Козодоев со своим спутником, оставив чайную, первое время шли молча. Так они миновали всю улицу, и вышли на другую, более оживленную. Здесь, на углу, стояла карета. Евгений Николаевич направился к ней.

– Федор, ты? – крикнул он кучеру.

– Я, я, Евгений Николаевич! – раздался голос.

– Замерз, поди? Ничего, скоро отогреешься! Прошу вас, садитесь, – обратился Козодоев к Миньке и раскрыл перед ним дверцу кареты.

– Послушайте, куда вы меня увозите? – прохрипел тот.

– Опять! Экий вы, право! – тихонько засмеялся старик. – Ведь кое-что уже обговорено между нами, а потом во время переодевания вы сами дали мне слово следовать за мной...

Да садитесь же!

Он легонько подтолкнул своего спутника. Минька, решившись, вошел в карету, за ним вскочил и Козодоев.

Карета тронулась.

– Я не сомневаюсь, что вы, граф Михаил Андреевич, – начал Козодоев, – удивлены всем, что происходит с вами.

– Послушайте! Молчите об этом... Я сам давно забыл, кто я и что я... Слышите? Ни слова!

– Мы одни, нас никто не слышит.

– Все равно, прежнее давно похоронено... Нет никакого графа! Понимаете, нет прошлого, нет, и я не хочу, чтобы оно было!

– Полно, как это человеку быть без прошлого? Прошлое у каждого из нас есть. Будем откровенны: я пришел не к вам и не за вами, а к вашему титулу... – то есть к вашему прошлому. Мне нужен граф Михаил Андреевич Нейгоф, а вовсе не какой-то никому в мире, даже самому себе, не интересный Минька Гусар.

– Что вам нужно от меня?

– Что мне нужно, это я скажу потом, когда мы приедем туда, куда я вас везу, а везу я вас в свою квартиру. Пока же я вам лучше расскажу кое-что про себя самого. Ведь вы не знаете, кто я?

– Нет, но подозреваю. Вы – какой-нибудь ловец рыбы в мутной воде, если не хуже.

Козодоев расхохотался.

– Благодарю! Одолжили! Спасибо за откровенность! Ничего, я тоже не обидчив и за откровенность отплачу вам откровенностью. Вы, ваше сиятельство, почти угадали, кто я такой. Рад вашей проницательности. Что поделать? Жизнь вертит нами, как ей угодно. Не мы, как вы говорили, «перлы мироздания», – господа над нею, а она, жизнь, – владычица наша. Вот и выходит, что не так живи, как хочется... Вы это на самом себе изволили испытать. Вряд ли кто желает попасть «из князи да в грязи», а с вами как раз это самое и случилось.

– Не смейте касаться меня! – злобно закричал недавний босяк. – Еще одно слово – и я выскочу из кареты!

– Не выскочите, граф, так как я вам могу пригодиться.

– На что?

– Мало ли на что. Да прежде всего хотя бы на-то, чтобы выпить водки, которой жаждет в настоящее время все ваше существо. Не правда? Вы, кажется, вздохнули. Эх, ваше сиятельство! Вам тридцать семь лет, из них одиннадцать вы провели среди мизераблей, сиречь отверженцев, а ваша житейская опытность осталась прежней... Первое впечатление, порыв – и вы уже пылаете, пишите огнем, словно вулкан. Да как же можно не знать, на что человек человеку пригодиться может! Если не я вам, так вы мне нужны. Кабы не это, разве стал бы я с вами нянчиться! А что, выпить-то, ваше сиятельство, очень хочется? – Козодоев подтолкнул локтем своего спутника. Тот молчал. – Сейчас мы должны приехать, – по-

смотрел Евгений Николаевич в стекло. – Знаете что, граф? Ведь вы на свои кобрановские огороды, пожалуй, не вернетесь. Что скажете?

– А вот что! – крикнул граф и быстрым движением распахнул дверцу со своей стороны.

Однако выскочить ему не удалось. С силой, которую трудно было предположить в тщедушном, старом теле, Козодоев схватил его одной рукой за воротник пальто, а другой обхватил туловище.

Завязалась борьба.

– Пустите, я крикну! – отбивался Нейгоф.

– Не кричишь, ваше сиятельство! Мой ты! Куда тебе уходить? Или забыл, что у меня угощение приготовлено и хмельной влаги вдоволь будет: хочешь – пей, хочешь – обливайся!

Граф босяк бессильно опустил на свое место. Козодоев воспользовался этим и захлопнул отворенную дверцу.

– Измучил ты меня, старина! – сказал он. – Шебарша ты, шебарша! Бежать хотел, когда на место приехали! – И, открыв оконце к кучеру, крикнул: – Федор! Не к подъезду, а во двор!

Экипаж сделал крутой поворот и остановился.

– Вот и приехали, – объявил Евгений Николаевич. – Милости прошу в мою убогую хижину. Выпьем, закусим, побеседуем, а там, если не пожелаете остаться, можете уходить на свои огороды. Пожалуйста, выходите!

С этими словами Козодоев взял графа за руку и с силой дернул к себе. Граф покорно, как пленник, последовал за Евгением Николаевичем.

Как только он вышел, карета отъехала, и Нейгоф увидел, что находится на обширном дворе большого дома. Было темно, и только фонарь у крыльца, перед которым они стояли, разгонял сумрак надвигавшегося вечера.

– Сюда, сюда! – повел графа Козодоев. – Подниматься невысоко, всего на второй этаж, да если бы и на пятый шагать пришлось, все равно вы, ваше сиятельство, об этом не пожалели бы, так как у меня для вас завидный сюрприз есть. Взглянете – сразу обо всех ваших трущобах позабудете.

IV

Завидный сюрприз

Лестница, по которой поднимались Козодоев и Нейгоф, была чиста и поднималась до второго этажа. Евгений Николаевич нашел нужным объяснить своему спутнику, почему так.

– Особнячок у меня надворный, – проговорил он, останавливаясь у обитой клеенкой двери, – живу не-то в крепости, не-то в монастыре. Нельзя иначе при такой профессии, как моя, – всякие дела случаются.

Он нажал кнопку звонка.

Горничная, отворившая дверь, должно быть, давно привыкла ко всякого рода посетителям. По крайней мере, на ее лице не отразилось ни малейшего удивления при виде опухшей физиономии гостя. Она приняла от него пальто. Под ним оказался просторный пиджак, из-под которого виднелась чистая синяя блуза. На ногах Нейгофа были сапоги. Козодоев осмотрел его и, видимо, остался доволен.

– Пойдемте, граф! – умышленно громко произнес он. – Я проведу вас в кабинет. Вот сюда, следуйте за мною! Маша, посветите нам!

Коридор был длинный и темный. На другом конце виднелась дверь. К ней и повел Козодоев своего гостя.

В кабинете Евгений Николаевич усадил гостя в темный

угол, потом зажег лампы и поставил их так, что свет падал на переднюю часть комнаты, оставляя остальное в полумраке. Затем он сел спиной к двери и лицом к Нейгофу. Вообще во всех его хлопотах можно было подметить приготовление к чему-то такому, что вот-вот должно произойти.

– Итак, дорогой мой гость и несомненный будущий друг, – начал он вкрадчиво, – мы здесь потолкуем с вами по душам.

Позади него раздался шорох. Нейгоф вздрогнул и отодвинулся еще дальше в темноту своего угла. Евгений Николаевич встал и повернулся. На пороге стояла женщина. Она была молода и красива. Темные, пышные волосы оттеняли нежную белизну ее лица с гармоничными чертами. Большие черные глаза лучились, розовые губки были капризно сжаты, что придавало еще больше прелести ее милому личику. Стояла она так, что свет от ламп падал прямо на нее и подчеркивал ее красоту.

– Софья Карловна! – кинулся к ней Козодоев. – Простите! Только что намеревался явиться к вам! – и он, почтительно склонившись, поцеловал протянутую ему руку.

– Это меня нужно бранить, – с чуть заметным акцентом ответила красавица. – Я думала, что вы одни... Я помешала?

– О, нет, нет! Как вы можете говорить? Но я знаю: ведь вы ко мне по делу? Прошу вас в гостиную. Граф, простите, я оставлю вас ненадолго одного!

При слове «граф» красавица прищурила свои лучистые глаза и бросила взгляд в угол, куда забился Нейгоф. Потом

она перевела взор на Козодоева.

– В гостиную, в гостиную прошу, – засуетился тот. – Не место царице красоты в убогой келье старого отшельника.

Он подал ей руку и вывел из кабинета, откуда они молча прошли в гостиную.

– Этот? – спросила Софья Карловна, и на ее лице появилось злое выражение.

– Он самый, – кивнул головой Козодоев. – Не нравится?

– Нравится, не нравится – говорить нечего, вопрос решен. Но все-таки я ожидала увидеть что-нибудь более приличное. Фи! Он противен с этими своими синяками.

– Что же ты, Соня, хочешь от босяка? Но ты молодец у меня, твое появление произвело несомненный эффект! Ты сделала-то, что нам нужно, молодец!

– И неужели это – граф? – спросила Софья Карловна.

– Самый настоящий: граф Михаил Андреевич Нейгоф, один из представителей древнейшего аристократического рода.

– Тот, который нам нужен?

– Именно тот!.. Но знаешь что, Соня, прощай! Я вернусь к нему... Не следует упускать первое впечатление.

– Я более сегодня здесь не нужна? – холодно спросила Софья Карловна.

– Не нужна. Иди к себе. Ты, деточка, сегодня вполне достойна награды... Ну, давай, птичка, свой мраморный лобик...

Козодоев притронулся губами ко лбу молодой женщины, а затем поспешил в свой кабинет к Нейгофу.

Софья Карловна некоторое время стояла в задумчивости, потом пришла в себя и так сильно стиснула свои пальцы, что даже послышался хруст.

– Что же, – проговорила она, – пусть, пусть! А все таки ужасно... Да, впрочем, мне-то какое дело?.. Я буду в стороне.

Она встряхнулась, гордо подняла свою красивую головку и вышла из гостиной.

Когда Евгений Николаевич вошел в свой кабинет, – то его слух поразили какие-то странные звуки, доносившиеся из того темного угла, куда забился граф босяк. Последний рыдал.

– Михаил Андреевич, голубчик! – склонился над ним Козодоев. – Что с вами? Что значат эти слезы?.. Поверьте, вы видите перед собой искреннего друга... Скажите, откройтесь!

– Всколыхнулось... прошлое все всколыхнулось! – залепетал Нейгоф. – Все воскресло, что я хотел потопить в проклятом дне... Зачем вы показали мне эту женщину?

– Да успокойтесь, это случайность! Кто вам показывал ее? Видели, сама без зова зашла!

– Случайность! А эта случайность разбередила все прошлые раны... все, все! Сколько лет я не видал порядочной женщины... И вот внезапно... так близко...

Слезы струились по опухшим щекам графа, царапины

стали сочиться кровью. Он вновь был отвратителен и страшен.

Козодоев, казалось, любовался этим видом человеческого унижения. По его губам проскальзывала насмешливая улыбка, но стоило только его странному гостю пошевелиться, как лицо его принимало сочувствующее выражение.

– Стало быть, моя хорошая знакомая и клиентка произвела на вас впечатление? – спросил он. – Стало быть, она понравилась вам?

– Что вы, что вы! Да разве я смею даже помыслить об этом?

– Вот это вы напрасно! В чайной вы что-то замысловатое про свою гордость говорили, а теперь опять принялись унижать себя. Нет, нет, поддержитесь. Вы сейчас сказали, что прошлое воскресло, воскресните и вы сами... Стойте! Вот Маша несет нам закусочку, мы и начнем с того, что утолим голод и жажду по-человечески – за столом, застланным скатертью, с приборами, словом, в чистоте и не в обиде. Ставьте, ставьте, Маша, скорее на стол все, что у нас имеется, – приказал Козодоев вошедшей с подносом горничной. – Расставляйте и уходите, а мы тут пировать будем. Граф, вот ваше место. Покиньте свой угол и вновь вступите в среду себе подобных. А хороша Софья-то Карловна! На что уж я старик, а и-то нет-нет, да и защиплет ретивое. Ну, ваше сиятельство, подходите. За ваше здоровье, чокнемся!

Нейгоф выполз из своего угла, подошел к столу и уже жад-

но глядел на рюмки с водкой.

Они выпили, повторили и опять выпили.

– Ну, друг мой, – заговорил Козодоев, – теперь, несколько придя в радужное настроение, будем говорить откровенно. Поверьте, я не прочь устроить ваше счастье, если вообще счастье – не звук пустой. Будете говорить и отвечать?

– Спрашивайте, – ответил Нейгоф.

– Очень понравилась вам Софья Карловна?

– К чему такой вопрос?

– Нужен он... нужен и для вас, и для меня. Буду откровенен. Я заметил, что она произвела на вас сильное впечатление. Так? Хотите стать ее мужем?

Козодоев произнес эту фразу и сам испугался того впечатления, которое она произвела. Нейгоф, с красным, перекосившимся от злобы лицом, с трясущимися губами, вскочил из-за стола и, стуча по нему, закричал:

– Да что же это, издевательство, что ли? Так нет! Довольно того, что было! Всему есть конец! Или вы сегодня хотите меня с ума свести? Да выпустите меня отсюда, иначе я стекла разобью и из окна выброшусь!..

Козодоев рассмеялся и сказал:

– К чему такие страсти? Ведь я же говорю совершенно серьезно. Я вас и привез сюда только затем, чтобы предложить руку этой молодой особы. Заметьте, руку, а не сердце. Сердце завоевать – это уже ваше дело. Пока ей нужна ваша рука. Понимаете вы меня, ваше сиятельство: рука, – то есть ваш

графский титул. Вот зачем я вас разыскивал и разыскал. Ну, решайте с места в карьер: да или нет?

V

Расчет и порыв

Красавица, которую предложил в супруги графу босяку Козодоев, жила в соседней квартире. Чтобы попасть к себе, Софье Карловне стоило только перейти по площадке парадной лестницы и отворить дверь особым ключом.

– Стасик! Ты? – воскликнула она радостно, очутившись у себя и увидев еще с порога стройного молодого человека, с красивым, но нагловатым лицом. – Как ты здесь?

– Спрашивает еще! Что, у меня своего ключа нет? – засмеялся молодой человек. – Я знал, что сегодня решается твоя судьба, и пришел...

– Да, ты прав... он там... Козодоев привел его... Как он ужасен!

– Кто? Жених, который должен сделать тебя графиней?

– Да, он, – прошептала красавица.

– Скоро же старый аспид провернул дело! Ну, полно! Не горюй! – и с этими словами Стасик нежно привлек к себе Софью Карловну и поцеловал ее.

Красавица не сопротивлялась. Присутствие духа, холодность, которыми владела Софья Карловна при Козодоеве, теперь совершенно оставили ее.

– Стасик, милый мой, – заплакала она, – если бы ты знал, как все это ужасно...

– Что? Твое будущее замужество?

– Да... Евгений Николаевич говорит, что оно необходимо... Я согласилась с ним, дала слово, что выйду замуж за этого отщепенца, но теперь чувствую, что это выше моих сил.

– Откажись тогда!

– Не могу... не смею...

– Это почему же не смеешь? Что ты, раба этого Козодоева? Разве он может принудить тебя?

– Может, может! Ах, Стасик! Ты ведь ничего не знаешь...

– Все знаю, и даже больше, чем ты знаешь. Это говорю тебе я, Станислав Федорович Куделинский. Мы с тобой – старые друзья, и ты мне можешь поверить... Ведь Козодоев – вовсе не такой человек, чтобы заботиться о чужом счастье. Он все делает только для себя. Если он выкопал этого босяка графа и назначил его тебе в мужья, – то вовсе не для того, чтобы увенчать твою голову графской короной. Нет! Тут он продельывает хитросплетенную махинацию, и ты, Соня, для него – лишь средство в достижении цели.

– К чему же ведет он это сватовство?

– К чему? Да вот к чему: этот граф босяк – завидный жених для такой бедной сиротки, как ты, моя птичка. Он – предпоследний представитель, хотя и по боковой линии, богатейшего, некогда рыцарского рода остзейских графов Нейгофов, и – представь себе! – сам ясно не знает этого. Что? Понимаешь, в чем тут суть?

– Смутно, милый...

– Какая ты несообразительная! Семья много лет тому назад отказалась от этого графчика, а он, чтобы выразить свой протест против отвергнувших его родственников, не нашел ничего лучшего, как удариться во все тяжкие. Со ступеньки на ступеньку он быстро опустился на дно, да и застрял там... Чу! Кто-то идет сюда... Не надо, чтобы нас видели так близко друг к другу!

Куделинский отстранился от Софьи Карловны и принял вид ведущего светскую беседу молодого человека.

В гостиную вошла Маша, горничная Козодоева.

– Барышня, – сказала она, кланяясь Станиславу Федоровичу, – меня к вам Евгений Николаевич прислали. Велели сказать, чтобы вы подождали их у себя... Они придут к вам, как только кончат разговор с гостем.

– Чудное что-то такое, что и в толк не возьму! Барин всю смеется, а их гость так и заливается, плачет.

– Вот как? – воскликнул Станислав Федорович. – О чем же это?

– А этого, барин, я уже знать не могу, – чудно только... Да, барышня, Евгений Николаевич велели сказать, чтобы вы не беспокоились, к ним не приходили, они сами к вам пожалуют, меня же до утра отпустили.

– Как это до утра? – спросил Куделинский.

– А так, я накрыла на стол, подала все, что следует, а Евгений Николаевич вышли ко мне, целковый дали и говорят:

«Ступай, Марья, гуляй до завтрашнего радостного утра, ты мне не нужна и помешать можешь». Только вот приказали к вам зайти и предупредить.

Глаза Куделинского вдруг блеснули зловещим огоньком.

– Ну, идите, Маша, – сказала Софья Карловна, – веселитесь.

– Покорнейше благодарим, – поклонилась Марья. – Только как же вы-то останетесь, барышня, одне?.. Ведь вашу Настю в больницу отправили. Прикажите, я останусь.

– Не нужно, не нужно! Зачем я буду лишать вас нескольких часов свободы? Я какнибудь устроюсь. Идите, не беспокойтесь обо мне.

Марья чуть подумала, потом, что-то сообразив, посмотрела лукавым взглядом на молодых людей, поклонилась и вышла.

Куделинский после ее ухода вскочил и забегал из угла в угол по комнате.

– Что с тобой, Стасик? – тревожно спросила Софья Карловна.

– Так, ничего, Соня... Мысль тут одна... понимаешь: мысль! Если ее осуществить, она всю нашу жизнь по-иному повернет... Соня, ты любишь меня? Веришь мне?

– Что за вопросы, Стася! Разве ты не знаешь сам?

– Знаю, уверен! Давно уже мы не чужие друг другу. Соня, голубка, если ты веришь мне, – то должна исполнить-то, что я скажу тебе сейчас.

– Все, милый, исполню, все. Приказывай.

– Выйди замуж за этого графа.

На лице Софьи Карловны отразились и ужас, и удивление.

– И ты, как он!.. И ты желаешь этого?..

– Да, да! Желаю, прошу, требую... Так нужно, нужно для нашего будущего счастья: твоего и моего. Ведь ты же сказала, что веришь мне. Только мы этого Козодоева отшвырнем с нашей дороги, и будем правы: ведь Козодоев хлопочет о том, чтобы завладеть огромным наследством, которое не может миновать этого босяка графа, и через тебя он завладеет им. Ты будешь графиней Нейгоф, этот твой муж ровно ничего не стоит как человек, стало быть, распорядительницей его богатства будешь ты, а через тебя – Козодоев. Вот он куда метит! Но если приносить такую жертву, так приносить ее для себя, а не ради алчного старикашки. Зачем же будущим богатствам этого босяка графа попадать к Козодоеву? Пусть они попадут к нам! Слушай, Соня... Ты меня любишь, а я – бедняк, нищий, без всякой возможности разбогатеть. Если твоя любовь – не ложь, – то ты принесешь эту жертву ради меня... Что, Соня? Что ты мне скажешь?

– Боюсь, – пролепетала Софья.

– Кого? Этого аспида Козодоева? Положись на меня – я все устрою. Все! Козодоев будет безопасен... Что такое там, за стеной? Ведь это у Козодоева!

До слуха Куделинского и Софьи Карловны из соседней квартиры донеслись приглушенные крики и шум борьбы.

– Да, да! – испугалась Софья Карловна. – Что там такое?

– Пусть их! – злобно засмеялся Куделинский. – Мы здесь – одни, они там – одни... Да чего ты испугалась? Ну вот, все там и стихло... видишь, как скоро. А, право, интересно бы знать, что у них вышло?

А в кабинете Козодоева произошла такая сцена.

Предложение Евгения Николаевича произвело на Нейгофа вовсе не-то впечатление, какого ожидал старик.

– Так вы только за этим и привезли меня сюда? – неестественно спокойно спросил граф, когда Козодоев смолк.

– За этим, за этим. Разве плохо?

– И вы осмелились сделать мне подобное предложение?

– Вот удивительно! Отчего же мне его не сделать? Для вас тут может выйти очень выгодное предприятие.

Нейгоф стоял перед стариком, пронизывая его сверкающими взорами. Он уже не плакал, но был страшен в своем гневе и безобразии.

– Мои предки... – начал он.

– Оставьте эту музыку! – цинично-хладнокровно перебил его Козодоев. – Ваши предки, может быть, какой-нибудь там Рим спасли, а вы-то что такое? Ничтожество из ничтожеств! Грязь смрадная! А тоже... предки...

– Молчать! – загремел Нейгоф. – Не смей говорить о том, что тебе не дано... Да, я – грязь, ничтожество, но кто это «я»? Я – Минька Гусар, с кобрановских огородов, а не граф Нейгоф. За одиннадцать лет ты первый осмелился назвать

меня этим именем. А оно стоит так высоко, что я не позволю оскорблять его... Я, Минька Гусар, – весь твой. Бей меня, топчи, унижай как угодно, я все снесу, а графа Нейгофа оставь... Я стал грязью, но не запятнал этого имени, не запятнал и не запятнаю! Я не отдам его неизвестно кому... Не отдам ни за что!..

– А ведь хороша невеста-то? – опять перебил его Козодоев. – Коснись меня такой случай, я о всех предках бы позабыл... Да и кто же это тебе, ваше сиятельство, сказал, что она недостойна стать твоей супругой?

– Позорное предложение – вот кто!

– Какое там позорное! Садись-ка да опрокинь еще рюмочку.

Нейгоф с презрением посмотрел на Евгения Николаевича.

– Сейчас же выпустите меня! – грозно произнес он.

– Это еще куда? Ан не пущу, – преградил ему дорогу Козодоев, – ежели не лаской, так силой не пущу.

Граф с яростным воплем кинулся на него. Старик смело выдержал напор. Но бешенство удвоило силы Михаила Андреевича. Козодоев отлетел от двери, а граф торжествующе выбежал из кабинета.

VI

Кровавое дело

Маша вернулась домой рано утром. Дом, где жил Козодоев, был старой постройки особняк с двумя ходами и несколькими свободно размещенными флигелями.

Когда Маша вошла на двор, все в доме еще спали, только ворота конюшенного сарая, находившегося в боковом флигеле, были открыты.

– Федор, а, Федор! – крикнула Маша.

– Чего там? Кто спрашивает? – из конюшни вышел мужик в кожаном переднике, с мочалкой в руках. – Ты, Машутка? Ишь, она с гулянки только идет, а я уже за делом: экипаж мою. Чего тебе?

– Барин не выходил?

– Такую-то рань? Чего ему?

– Не бывало, что ли? Для него, что день, что ночь – все дела какие-то.

– Дел, видно, немало. У него в окнах недавно огонь светился. Видно, что дела. Без дела кто же всю ночь хороводиться будет.

– Как же это я попаду теперь? Поди, заперто, а на морозе ждать совсем неохота.

– Сходи, стукни, может, барин-то не спит. Говорю, огонь только что погас.

– И-то схожу, попытаю счастья.

Марья направилась к крыльцу черного хода и скрылась за дверь. Прошло две три минуты, и по всему двору разнесся отчаянный вопль.

– Машка вопит, чтой-то с нею? – кинулся на крик из своей комнатки Федор.

Девушка уже была на дворе и бессмысленно металась, неистово вопя:

– Убили, убили... барина убили!.. Люди добрые, помогите!.. Убийство!

Крики уже вызвали переполох. Из флигелей выскакивали полуодетые люди, от ворот бежал дежурный дворник.

– Кого убили? – раздались со всех сторон вопросы.

– Барина нашего, Евгения Николаевича! – вопила Марья.

– Козодоева?

– Его, его! Да подите же вы туда кто-нибудь! Может, еще и жив он...

– А говоришь: «убили», – заметил старший дворник, – только народ мутишь! Ежели жив, так не убийство, а покушение... Ну, идем!

– Ой, нет! – взвизгнула Марья. – Не ведите меня туда! Лучше я здесь останусь.

– Врешь! Должна идти, ежели первая на такое дело наткнулась, – подтолкнул девушку к крыльцу старший. – Ребята, вы посторонних и любопытствующих посдержите! Чего тоже лезут?.. Антоха! – крикнул он одному из подручных. –

Беги на пост к городовому, сообщи: так, мол, и так – происшествие.

Постанывающая от внезапного потрясения Марья, дворники, Федор и несколько наиболее энергичных любопытных поднялись по лестнице к дверям в козодоевскую квартиру.

– Ой, отпустите меня лучше! – взвизгнула уже на площадке Марья. – Увижу его – чувства лишу!

– Полно кобениться-то! Отворяй скорее! – прикрикнул на нее старший и вошел в квартиру.

К этому времени рассвело настолько, что все можно было ясно рассмотреть.

На полу, недалеко от входной двери, в луже уже запекшейся крови лежала темная масса, напоминавшая человеческую фигуру.

– Н-да, дело, – проговорил старший, обнажая голову. – Какое тут жив.

– Вся голова вдребезги, – проговорил Федор, наклоняясь над трупом. – Эка! Каша кашей стала!

– И в самом деле! Вот так поработали! – согласился с ним один из дворников. – Даже лица не признать...

Действительно, голова трупа была вся разможена. Черепная чашка превратилась в осколки, мозг вперемешку со сгустившейся черною кровью покрывали, как маской, всю нижнюю часть лица.

– Царство Небесное! – проговорил старший. – И кто же этакое дело натворить мог?!

– Он, он, проклятуший! – воскликнула Марья. – Гость вчерашний! Барин покойник вчера его с Федькой неведомо откуда привез. Он и убил. Больше некому, как ему, окаянному. Барышня-то, барышня наша, Софья Карловна, ничего, поди, не знает. Спит теперь, голубушка, крепким сном, а тут такая беда стряслась. Пойти побудить ее!

Марья выбежала из квартиры и через двор кинулась к парадному ходу.

– И нам, ребята, здесь оставаться нечего, – объявил старший. – Сейчас полиция явится, выйдем-ка на лесенку. Никто ничего трогать не смей! Ну уж и дело стряслось!.. Федор! Слышал, что Машутка сказала? Ты это какого же убийца к нам в дом привез?

– Я что же, Панкратий Иванович? Мое дело – сторона. Разве я могу в хозяйские дела мешаться?

– То-то «сторона»! Вот посмотрим, с которой стороны тебя к этому делу пришьют? Эх, сколько народа набилось!.. Хоть бы полиция скорей приходила!

Вся лестница была запружена людьми, со двора доносился шум голосов.

– Панкратий Иванович! – крикнул снизу посланный старшим за полицией Антон. – На парадный вас требуют... Сам господин помощник туда пришли!

– Иду, иду! – и Панкратий Иванович, расталкивая народ, кинулся к парадному ходу.

– Что у вас тут случилось? Убийство? – встретил его гроз-

ным окриком помощник пристава, ожидавший старшего с двумя околоточными и несколькими городовыми. – Простите, сударыня, – с любезным полупоклоном обратился он к стоявшей около него Софье Карловне, за которой видна была дрожавшая Марья. – Евгения Николаевича ухлопали?

– Его, ваше высокоблагородие. Только мы тут ни при чем.

– А это видно будет... Не смотрите за порядком, каналы! Дежурные у ворот спят, вместо того чтобы обывателя оберегать... Дверь открыть!

– Покойник-то около черного хода лежит, ваше высокоблагородие, – пробормотал Панкратий.

– А ведете сюда! Ба-ба-ба! Мефодий Кириллович! Так скоро? – воскликнул полицейский офицер, увидав взбегавшего на площадку старичка. – Никак не ожидал! Право, вы вездесуци!

Софья Карловна вскрикнула, увидав этого старичка. Он был очень похож на Козодоева: такой же низенький, так же гладко выбрит и такой же подвижный. Разница между ними была лишь в том, что Козодоев был худощав, а этот старик имел округлую фигуру, да не носил очков, благодаря чему видны были его умные, пронизательные глаза.

Он слышал, как вскрикнула Софья Карловна, и внимательно поглядел на нее.

– Уж и вездесущ! – воскликнул он, здороваясь с полицейским. – Знаете, облава за Обводным была, так я из любопытства присутствовал. А тут вдруг слышу, по телефону сооб-

щают, ну вот и поспешил. Что тут такое? Убийство?

– Козодоева некоего убили...

– Знал его. Дельный парень! Голова замечательная! На-
смерть?

– Кажется, так... Так что же мы стоим? Здесь дверь за-
перта, с другого хода проникнем. Сударыня, – обратился по-
мощник пристава к Софье Карловне, – вы, конечно, с нами?

– Нет, нет! Увольте меня, – дрожащим голосом ответила
та. – Это так ужасно! Я не могу, совсем не могу... Еще вчера
вечером я видела его живым, а теперь... – и она залилась
слезами.

– Не смею настаивать, – опять полупоклонился полицей-
ский. – Я думаю, что ваше присутствие при первом осмотре
не обязательно. Ваше мнение, господин Кобылкин? – обра-
тился он к Мефодию Кирилловичу.

– Конечно, – согласился тот. – Я вижу, молодая особа по-
трясена...

Софья Карловна уже не просто рыдала, у нее началась ис-
терика. Марья поспешила увести ее в квартиру.

– Это кто же такая будет? – спросил Кобылкин у полицей-
ского. – Родственница, дочь?

– Тут какое-то темное, частное дело, – ответил тот, – не-
то родственница, не-то приемыш, не то... – и полицейский
офицер что-то прошептал на ухо Мефодию Кирилловичу.

– Ага, понимаю, неопределенные взаимоотношения... а
надо признаться, что если последнее, – то у старичка вкус

был хороший: очень недурна!

Когда они вошли на черное крыльцо, почтительно расступившаяся перед ними толпа сейчас же сомкнулась.

– Это кто же такой в штатском и бритый? – раздались вопросы.

– Как кто? Сам Кобылкин!

– Кобылкин! Знаменитый? Да разве он не в отставке?

– Что ж, что в отставке! По старой памяти ни одного такого дела не пропускает. Чуть где-нибудь преступление, он уже тут как тут, его любят, всюду пускают...

Имя Мефодия Кирилловича Кобылкина в самом деле пользовалось популярностью. Это был человек, одаренный проницательностью, наблюдательностью и сообразительностью, так сказать, ищейка по призванию. Не было такого запутанного дела, которого он не раскрыл бы за время своей долгой службы. Не было преступной тайны, в которую он не проник бы. Даже оставив службу, он продолжал заниматься любимым делом и частенько указывал путь к раскрытию преступления там, где его молодые преемники становились в тупик.

Увидав труп, он не задержался около него, а прошел в комнаты. Там он заглянул во все уголки, простучал все стены и вернулся к помощнику пристава, который составлял уже протокол первоначального дознания.

– Уведомление следователю уже послано, – сообщил ему полицейский, – а вот интересно, что вы, Мефодий Кирилло-

вич, обо всем этом думаете?

– А ничего еще, батенька мой, не думаю, – откровенно сознался Кобылкин. – Интересный случай произошел сегодня при облаве-то нашей. За Обводным каналом на пустырях субъектика задержали в числе прочих. С виду поглядеть – босяк форменный, а оказался титулованной особой: граф Михаил Андреевич Нейгоф, и это его сиятельное происхождение несомненными документами подтверждено.

VII

Кто убил?

Рассказ Кобылкина не произвел впечатления на полицейского.

– А, старый знакомый: Минька Гусар с кобрановских огородов! – усмехнулся он. – Как же, как же, прекрасно знаю я этого графчика. Частый он у нас в участке гость. Как за Обводным каналом на пустырях облава – он тут как тут. Только он смирный; не тронь его графства – воды не замутит, а только вспомни – беда, буяннить начнет, его и не держат, а всегда после наставления на путь истинный отпускают на все четыре стороны. Поди, и теперь выпустили?

– Нет, совсем не-то, – произнес Кобылкин.

– Что же? Буянил, что ли?

– Какое! Его в будке на огородах без памяти подобрали. Пришлось в больницу отправить. Жаль, если не выживет! Личность, на мой взгляд, оригинальная.

Больше разговор к графу босяку не возвращался. Прибыли товарищ прокурора и следователь. Начались осмотры, опросы. Первой была допрошена Марья, потом Федор. Они рассказали все, что им было известно о событиях вчерашнего дня. Допросить Софью Карловну, фамилия которой была Шульц, не удалось. Ужасное событие так подействовало на молодую женщину, что она не могла отвечать на следствии,

и ее допрос пришлось отложить.

Первые данные выяснили лишь-то, что покойный Козодоев привез к себе какого-то сносно одетого, но со следами побоев на лице человека. Кто он, откуда его взял Евгений Николаевич, осталось неизвестным. Марья показала, что между ее убитым баринком и гостем происходил странный разговор: барин смеялся, гость плакал. На этом пока все и останавливалось. Как ушел этот гость, тоже не выяснилось. Удалось доказать лишь одно, что грабежа не было, и убит Козодоев каким-то тяжелым тупым орудием.

Следствие на месте затянулось до вечера. Труп Евгения Николаевича увезли в покойницкую больницы для судебно-медицинского вскрытия. Судебный следователь отправился туда же, пригласив с собой и Мефодия Кирилловича.

– Мы старые знакомые, – сказал он старику, помогая ему сесть в извозчичью пролетку, – и мне интересно ваше мнение.

– Да удобно ли это будет?

– Что такое?

– Да беседа эта самая... Не повлияет ли она на следствие?

Я ведь теперь официального значения не имею.

– Ну вот еще! – рассмеялся следователь. – Будем говорить как частные люди и хорошие знакомые, – вот и все. Ну, батенька, не томите! Кто, по вашему, убил?

– Тот, кому нужна эта смерть.

– А кому она была нужна?

– Вот этого я еще не знаю. И не спрашивайте: все равно ответа не будет. Лучше я вот что вам скажу. Знаете ли вы, что за штучка – Козодоев?

– Вероятно, какой-нибудь делец... Скорее всего, из темных.

– Из темных-то он из темных, а только перед всеми статьями «Уложения о наказаниях» он был чист, как новорожденный младенец. Уж я-то его хорошо знал! Это был так называемый «ходатай по чужим делам», только не по судебным – ни за одно судебное дело он никогда не брался. Всяких там зданий, где преступников ждут наказания, а должников – взыскания, он терпеть не мог.

– Может быть, там ему самому пришлось когда-либо щедрое награждение за темные подвиги получать?

– Нет. Я уже сказал, что в отношении всякой уголовщины он чист.

– Так почему же вы его темным дельцом назвали?

– А он, так сказать, сам создал себе профессию. Он вам и наследство разыщет, о котором вы даже не подозреваете, он вам и под вексель деньжонок найдет; он, если вас тяготят цепи Гименея, снять их поможет. Но главное-то его занятие было в том, чтобы не снимать эти цепи, а надевать их, и притом с выгодой для себя.

– Это как же так? Сватовством, что ли, он занимался?

– Именно. Богатой дурочке женишка подставить, а богатому олуху – невесту, чтобы потом с обеих сторон сорвать

по солидному кушу, – вот в чем его дело было. Понимаете?

– Да, да, – ответил следователь. – Но что же из всего этого выходит?

– Только-то, что и тут вся суть в каком-то брачном деле кроется.

– Полно! Ведь клиенты вашего Козодоева должны бы беречь его как зеницу ока. Какое же тут брачное дело, когда его убили? Вы сами себе противоречите.

– Нисколько не противоречу. На такое дело прямо указывает существование при покойном Козодоеве этой Софьи Карловны Шульц. Вот где завязка! Вы эту особу видели? Красавица... писаная красавица! Уверен, она Козодоевым кому-то в невесты предназначалась. Только вот кому?

– А не фантазируете ли вы, Мефодий Кириллович? – засмеялся следователь.

– Не фантазирую, а комбинации строю, и не для вас вовсе, а так, для себя самого, только из одной любви к делу. Комбинации же мои строятся на основании данных. Как увидел я эту красотку, сразу же у меня вопрос появился: «Что она для Козодоева и кто она такая сама по себе?» Навел справки и узнал, что происхождение этой особы низменное – мещаночка, но все-таки не без некоторого образования. Ей теперь двадцать два года, а у Козодоева она появилась, когда ей всего семнадцать было. Пять лет покойничек сети свои раскидывал. Эту девицу Шульц он, можно сказать, облагодетельствовал, как приемную дочь при себе держал. Он ее

и нарядил и воспитал, словом, в современный восхитительный вид привел. И вовсе не для себя старался.

– Это-то вы, дорогой друг, откуда знаете? – удивился следователь.

– Умозаключение одно делаю. Изволили вы заметить, что наша молодая особа в другой квартире живет? Нет? А я любопытствовал узнать, всегда ли так было. И узнал, что только с месяц тому назад Софья Карловна Шульц отдельное от своего благодетеля помещение заняла. Какой же из этого следует вывод? Да тот, что в ближайшее время должен был предназначенный ей жених появиться, и вдруг катастрофа!

– Послушайте, что вы говорите! – воскликнул следователь. – Ведь не этот же предполагаемый вами жених убил несчастного Козодоева?

– Разумеется, не он, если он только появился, – засмеялся Кобылкин.

– И не Шульц же это сделала?

– Тоже пока не думаю.

– Кто же тогда?

– А вот если бы мы это знали, так и тайны никакой бы не было... Да постойте, мы, кажется, приехали.

Экипаж действительно остановился около ворот длинного больничного здания. Следователя ждали. Ворота растворились, и экипаж направился к стоявшему в отдалении домику, над крыльцом которого мерцала лампадка перед иконой. Это была больничная покойницкая и прозекторская.

Следователь и Кобылкин хорошо знали сюда дорогу. При входе в прозекторскую их встретил судебный врач. Труп Козодоева лежал уже на операционном столе, и около него суетился фельдшер. У столика в уголке сидел околоточный.

– Работы много, – встретил вошедших врач. – Внешний осмотр я произвел. Посмотрим теперь, что покажет вскрытие, можно приступать?

– Пожалуйста, – ответил следователь и отошел с Кобылкиным.

Врач и фельдшер принялись за дело.

– Знаете что, – задумчиво сказал Кобылкину следователь, раскуривая сигару. – Все наши комбинации очень остроумны...

– Но никуда не годны?

– Нет, не-то, а вот что. Ведь вы ни одним словом не обмолвились о том странном госте, пребывание которого у Козодоева в последний вечер его жизни удостоверено показаниями двух свидетелей. Разве он не мог быть убийцей?

– Все может быть, – развел руками Кобылкин, – пусть он убил...

– Но, я вижу, вы так не думаете.

– Сущую правду изволили сказать, – добродушно согласился Кобылкин, – не думаю. Думал я об этом, а потом перестал думать.

– Стало быть, и на этот счет свои умозаключения вывели?

– Вывел-с. Как же иначе? Этот гость был кто? Свидетель-

ские показания я слушал внимательно и понял из них, что посетитель был простого звания человек. Помните, горничная говорила, что у него фонари под глазами сияли, а такое освещение на физиономиях интеллигентов редко бывает. Отсюда я делаю вывод, что этот гость покойного Козодова – простец. Простецы же себе подобных ради чего убивают? Да в девяноста девяти случаях из ста ради того, чтобы воспользоваться достоянием своей жертвы. Отсутствие же всякого намека на грабеж вы удостоверили сами; притом сохранились следы самого мирного времяпрепровождения: водочка, закуска... Сообразив все это, я перестал думать, что он – убийца.

– Я думаю наоборот, можно и не ограбить, преступник может перед преступлением со своей жертвой и водку пить, а в конце концов все-таки убить. Нет, как хотите, а я уверен, что убийца – именно этот исчезнувший гость.

– А я вам сообщу вот что, – Кобылкин приподнялся на цыпочки и, дотянувшись до уха рослого следователя, прошептал: – Убийц было трое. Слышите: не один, не двое, а трое.

VIII

На больничной койке

Бросив свою загадочную фразу, Кобылкин отступил от следователя, и его лицо приняло обычное добродушное выражение.

– Мефодий Кириллович! – бросился к нему следователь. – Что вы сказали? Какие трое? Откуда?

– Не знаю-с... Я ничего не знаю, мое дело здесь сторона, – ответил старик.

– Да вы сами сейчас мне сказали...

– По глупости... простите великодушно... сболтнул, что в старую голову пришло.

– Постойте, бросьте увиливать! Ведь вы что-то уже знаете, в чем-то убедились...

– Может быть, так, а может быть, и не так... Вон доктор вас зовет, а я имею честь кланяться...

– Куда же вы? А вскрытие?

– Зачем мне ждать его конца? Доктор, оревуар! Хотел бы пожать вашу руку, но она в крови ближнего, посему оставляю это до следующего раза...

Кобылкин выскочил из прозекторской, но на пороге остановился и громко продекламировал:

Даль туманная видна.

Трое, трое и одна.

– Странный старик! – произнес вслед ему доктор. – Мне пришлось начинать свою деятельность при нем. Он огоршивал своими выходками. Бывало, не знаешь, что и подумывать о нем... Гаер какой-то!

– А между тем под этим шутовством скрываются величайший ум и тончайшая наблюдательность, – задумчиво ответил следователь. – Вот и теперь... такую, батенька, этот сфинкс загадку загадал, что никакому Эдипу не разгадать. Но будем продолжать наше дело.

Между тем Мефодий Кириллович перебежал через усаженный деревьями дворик и поднялся в приемный покой больницы, где была также комната дежурных врачей.

Дежурных было двое, и они встретили Кобылкина как старого знакомого.

– Справочку, родименькие, сведеньице! – тараторил Мефодий Кириллович, здороваясь с ними.

– О ком прикажете, наш доморощенный и притом квадратный Лекок? – засмеялся один из врачей.

– Спасибо за честь, а справочку-то дайте... Тут к вам некий граф Нейгоф поступил.

– Верно, поступил. Это вот у Анфима Гавриловича, – указал врач на товарища. – Коллега, что вы определили?

Тот произнес латинское название болезни и прибавил только одно слово:

– Плох!

– Да неужто? – опечалился Кобылкин. – Выживет? Умрет?

– Кто его знает! Истощен крайне...

– А взглянуть на него можно?

– Не знаю, Барановского спрашивайте, – указал на Анфима Гавриловича врач-остряк.

– Голубчик, покажите! – закланялся ему Кобылкин. – Уж очень мне этот граф босяк интересен.

– Зачем он вам? – насупился Барановский.

– Черты его графские хочу навек в своей памяти запечатлеть.

– А не для расспросов до допросов? Этого я не позволю: больница – не сыскное. Пойдемте, но если обеспокоите больного, пеняйте на себя, чиниться с вами не буду: выгоню из палаты...

Тон и слова Барановского были грубы, но Мефодий Кириллович не обиделся. Он знал несколько лет этого молодого врача, прозванного товарищами «диким доктором», и ему было известно, что под его суровой и грубой внешностью кроется доброе сердце.

Они вошли в палату.

Длинные ряды коек, занятых больными, тяжкие стоны, хрипенье, запах лекарств, атмосфера, как бы пропитанная страданиями, – все это представляло собой такую картину, что даже Мефодий Кириллович стал серьезным.

– Вот он, – подвел его Барановский к поставленной в сто-

роне койке.

На ней, вытянувшись во весь свой длинный рост, лежал Минька Гусар. Его отвратительно красное лицо было теперь бледно, почти бело, вследствие чего на нем еще резче выделялись потемневшие синяки и багровая царапина на щеке. Копна волос на голове и борода исчезли под ножницами больничного парикмахера. Глаза больного были полуоткрыты и между веками виднелись неестественно расширившиеся зрачки. Он тихо и надрывно стонал, вздрагивая всем телом.

– Без памяти? – спросил у Барановского Мефодий Кириллович. – Что у него?

– Пока не определилось... Кажется, hyperaemia meningei... Длительное беспамятство, бред... Завтра его посмотрит старший врач.

Больной заметался на койке, его губы зашевелились, с них стали срывать непонятные слова.

– Бредит, – пояснил Барановский.

Кобылкин склонился над несчастным и стал жадно вслушиваться.

– Бей, бббей Гусара! – услышал он. – Графа нне троннь... Нет граафа... Не-то убббью... Сттарик...

– Послушайте, вы обещали! – попробовал оттолкнуть Кобылкина врач.

– Сейчас, голубчик, сейчас, – умоляюще зашептал тот. – Ради бога, позвольте еще...

– Жжениться мне... – бредил Нейгоф, – мне на этой крас... це? Никогда! Пррочь, сттаррик, убббью!

Кобылкин выпрямился и, серьезно взглянув на Барановского, произнес:

– Спасибо. Больше не надо.

– Выведали-таки? – усмехнулся тот.

– Да, все, что мне нужно.

– Так и уходите, если вам здесь больше делать нечего!

– А вы не обидитесь, когда я вас покину? – прежним шутивым тоном спросил Кобылкин.

– Не беспокойтесь обо мне. Я побуду здесь, благо пришел. Видите! – указал Барановский на палату.

Появление врача в неурочный час переполошило больных. Десятки пар глаз умоляюще смотрели на Анфима Гавриловича. Кто был посмелее, шепотом звал его к себе. Сиделки, которых и в помине не было, когда пришли Барановский с Кобылкиным, все очутились на своих местах. Явилась даже сестра милосердия, с испугом поглядывавшая на сердитого доктора.

Кобылкин вышел из больницы, но на больничном дворе остановился.

– Не может быть, чтоб я ошибся, – заговорил он сам с собой. – Или я от старости чутье потерял? Ведь их было там, у Козодоева, трое – трое мужчин, и еще одна женщина. Тогда что же значит это: «Старик, убью!»? Не понимаю... Уж не был ли Нейгоф в числе этих троих? Да нет! Зачем ему уби-

вать Козодоева? А все таки он у него был, и теперь я знаю, что его Козодоев прочил в женихи этой Шульц... Его! Я не ошибся в том, что Козодоев затеял какую-то авантюру. Но этот Нейгоф! – Мефодий Кириллович снял шапку и по привычке почесал затылок. – А, все равно! – почти во весь голос произнес он. – Надо мной не каплет. Буду ждать и посмотрю, что дальше. Только больше никому ни гугу. А то я, старый пес, раньше времени болтать стал... Впрочем, ничего. Ведь кто был гостем у Козодоева, пока только я один знаю, да и то сейчас узнал. Прекрасно! Буду ждать! – И он поспешил с больничного двора.

Барановский, как только Кобылкин ушел из палаты, еще раз внимательно осмотрел Нейгофа и предупредил сестру милосердия:

– Будьте повнимательнее к этому больному.

– Конечно, – ответила та, – как же может быть иначе? Ведь он – титулованный.

– Он прежде всего – больной, и больной трудный, а до прочего нам дела нет. Возни с ним будет немало.

Барановский оказался прав. Болезнь графа до такой степени обострилась, что несколько дней Михаил Андреевич находился между жизнью и смертью. Наконец сознание понемногу стало возвращаться к нему.

– Сестра, скажите, – однажды спросил Нейгоф, – я давно болен?

– Порядочно, граф. Но вы лучше молчите...

– Нет, еще один вопрос... Я как сквозь сон помню чье-то женское лицо... видение, призрак... Раза два оно было предо мной... я видел его совсем близко. Скажите, что это было? Бред? Галлюцинация?

– Вас навещали, – ответила сестра. – Какая-то молодая дама... Она очень интересовалась вами...

– Но кто, кто? Сестра, скажите!

– Да право же, ваше сиятельство, не знаю... Вот послезавтра будет приемный день, может быть, эта особа явится; а я откуда могу знать, кто она? Она мне не сообщила своего имени. Лежите и не разговаривайте, вы еще очень слабы.

Нейгоф повиновался, но его мучила загадка: «Кто эта женщина? Почему она интересуется мной?.. У меня нет никого, совсем никого... А этот старик? – вспомнил он о Козодоеве. – Бедный! Я, кажется, ударил его».

В томительном ожидании провел Нейгоф время, оставшееся до приемных часов в больнице.

Наконец этот день наступил. Граф волновался еще с утра, прислушивался к бою часов. Он даже занялся своей внешностью и попросил у сиделки зеркало.

Взглянув в него, Нейгоф не узнал себя – так он изменился. Его лицо было чисто: синяки и отеки исчезли, и царапина зажила; исчезла одутловатость.

«Пожалуй, никто теперь во мне не узнает Миньки Гусара с кобрановских огородов», – с горечью подумал Нейгоф, улыбнулся и вздрогнул.

Часы в палате пробили два, и коридоры больницы наполнились шумом, говором. Это впустили посетителей.

«Придет эта незнакомка или не придет?» – с тоскою думал Нейгоф.

– Ваше сиятельство, к вам! – крикнула ему через всю палату сиделка.

Нейгоф с волнением приподнялся на своей койке, напряженно глядя в сторону входа.

В дверях палаты стояла Софья Карловна.

IX

Западня

Нейгоф откинулся на подушки и отвел взгляд, решив, что эта посетительница пришла не к нему. Однако Софья Карловна направлялась прямо к его койке.

– Слава богу, граф! – заговорила она. – Я с радостью вижу, что вы поправляетесь!

Михаил Андреевич испуганно и в-то же время восторженно смотрел на свою гостью.

– Вы удивлены моим посещением, граф? – улыбнулась она. – Или вы не узнаете меня?

– Узнаю, – прошептал Нейгоф, – у Козодоева...

– Да, да! Впрочем, та встреча была мимолетна... мой покойный отец даже не представил мне вас.

– Покойный! – воскликнул граф. – Разве этот Козодоев умер?

– Увы, да! Вы еще не знаете, какое несчастье постигло меня.

– Вы – дочь Козодоева?

– Да, приемная... Он воспитал меня, дал образование... Какой это был чудный человек, граф! Но не будем говорить о печальных вещах. Вернемся к прежнему. Итак, вы удивлены?..

– Очень! – откровенно сознался Нейгоф.

– И я была бы очень удивлена на вашем месте. Мы незнакомы, видели друг друга всего один раз мельком, и вдруг эти мои посещения... Но на все в нашей жизни есть причины. Простите за откровенность, граф, но тогда вы мне показались очень несчастным, удрученным всякими бедствиями человеком... Я пожалела вас, граф...

– Благодарю, – пробормотал Нейгоф, – я действительно очень несчастлив...

– Я стала думать о вас, граф, и чем больше думала, тем больше мне становилось вас жалко. А потом знаете, что случилось?

Голос Софьи Карловны звучал искренностью. Граф жадно слушал не слова, а именно эти звуки, и напряженно смотрел в лучистые глаза красавицы, боясь, что она замолчит, и он не услышит больше этого чарующего голоса.

– Что же случилось? – тревожно спросил он.

– А-то, что я вас возненавидела.

– Вы! Меня! За что? Я теряюсь в догадках. Пожалели сперва, потом возненавидели, а теперь...

– А теперь я, как видите, незваная, незнакомая, пришла к вам, когда вы стали еще более несчастны, когда вы умирали... Лежите, лежите спокойно! – остановила она Нейгофа, намеревавшегося подняться. – Иначе я уйду, и вы никогда не узнаете, за что я вас возненавидела...

– Нет, нет, не уходите! – запротестовал Нейгоф. – Даже ваше имя я только сейчас припомнил. Ваш отец назвал мне

его... Я не думал, что вы – его дочь... Помните – он назвал вас царицей красоты и еще как-то... Как – не могу припомнить, но сохранилось впечатление, что так к близким людям не обращаются; вообще вы тогда не произвели на меня впечатления дочери Козодоева, а скорее его клиентки.

Глаза красавицы на мгновение погасли, губы дрогнули. Она как будто смутилась, но быстро овладела собой и сказала:

– Сейчас я объясню поведение покойного.

– Как странно слышать это: «покойного»! – перебил ее Нейгоф. – Мне кажется, я только вчера видел вашего отца.

– А для меня не странно, а ужасно звучит это слово. Ах, если бы вы знали, какой человек был Евгений Николаевич! Как он был добр ко мне!.. Только это был человек не без странностей. Он все старался возвысить меня перед посторонними и ради этого всячески унижал себя, как будто не хотел, чтобы думали, что я – благодетельствованная им, бедная, нет, не только бедная – нищая девочка, подобранная им на улице. Он все силы употреблял, чтобы я позабыла свое печальное детство. С вами он не говорил обо мне?

– Говорил, – покраснел Нейгоф.

– И я знаю, о чем он говорил. Он задумал поставить меня, бывшую босоножку, в ряды аристократии и для этого...

Софья Карловна не договорила и потупилась.

– Не вспоминайте! – воскликнул Нейгоф. – Я вижу, вам тяжело...

– Да, – прошептала красавица, – но поверьте, что в ту нашу встречу я еще ничего не знала о замыслах Евгения Николаевича, а когда узнала, – то возненавидела вас...

Заведомую ложь Шульц говорила так правдиво, что у графа не появилось никакого сомнения. Он верил в искренность своей собеседницы и любовался ею.

Всемогущее прошлое вдруг всплыло в его памяти, нахлынуло на графа при виде красивого женского личика, и этот несчастный человек почувствовал, что босяк Минька Гусар уходит далеко-далеко, а его место занимает граф Михаил Андреевич Нейгоф.

– Я понимаю вас, – прошептал он, – я знаю, что был противен...

– Да, не скрою и этого. Но отец рассказал мне, как вы обиделись, когда он предложил вам недостойную сделку... Я тогда почувствовала к вам уважение... Ваш поступок был благороден, в нем отразилась ваша душа – душа рыцаря. Потом, – вздохнула Софья, – произошла трагедия: умер мой несчастный отец. У меня не было времени думать о вас, я совсем было вас позабыла, но вдруг судьба напомнила мне и о вашем существовании, и о том, что вы несчастны.

– Судьба, вы говорите?! – воскликнул Нейгоф.

– Да, судьба! На похоронах Евгения Николаевича присутствовала полиция. Один из полицейских, наш хороший знакомый, вероятно, чтобы развлечь меня, рассказал о случае с вами, о том, как вас нашли без памяти, как отвезли сюда.

Он назвал и ваше имя. Я поняла, что это были вы... Мне опять стало жалко вас. Я не могла противиться голосу сердца и решила вас навестить. Вы были в беспамятстве, но теперь я вижу вас выздоравливающим.

– И больше не придете?! – воскликнул Нейгоф.

– Я думаю, что теперь мои посещения могут быть лишними, – уклончиво ответила красавица.

– Не говорите, умоляю, не говорите так! – прерывисто заговорил граф, привставая с койки. – Вы сказали, что пожалели меня; не лишайте же несчастного вашего сострадания... О, если бы вы только знали, как оно дорого мне! Ваша жалость и сострадание воскрешают меня, воскрешают мой дух, который я сам похоронил... Продлите же свою милость – не покидайте меня теперь, хотя эти дни, пока не окрепнет мое тело... Вы добры, я это вижу! Пусть же ваша доброта подскажет вам, вашему сердцу, что благодеяние должно закончить, что нельзя останавливаться на полпути... милостыни я прошу, милостыни! Подайте же несчастному!

– Тише, граф, – остановила его Софья, – не волнуйтесь, это вам вредно. Вы хотите, чтобы я навещала вас? Да? Хорошо, пусть будет по-вашему... Но только если случится что-либо, пеняйте на себя...

– Что может случиться? Но вы уходите! – испугался Нейгоф, увидав, что Софья поднялась с табурета.

– Я вернусь... Да свиданья, граф, – и она протянула Михаилу Андреевичу руку.

Нейгоф не взял, а схватил ее и, повинувшись непреодолимо-
му порыву, припал к ней с долгим поцелуем.

Софья не отняла руки.

– Ну, будет, будет! Какой вы! – наконец проговорила
она. – Смотрите же, поправляйтесь! Я хочу видеть вас бо-
дым, здоровым... иначе... иначе не ждите меня... До свидан-
ья, – и, вдруг склонившись над Нейгофом, она поцеловала
его в лоб.

Голова графа закружилась, свет померк в его глазах.

Он беспомощно откинулся на подушки.

Когда сознание вернулось к нему, Софьи уже не было.

– Ушла! – воскликнул он.

– Поцеловала и ушла, – подтвердил больной, лежавший
на соседней койке. – Родственница, что ли, или невеста? –
продолжал любопытный сосед.

– Родственница, – ответил граф и потер рукой лоб.

Поцелуй Софьи так и жег его. Кровь кипела, сердце сту-
чало. Сиделка, заметив, что больной волнуется, поспешила
вызвать сестру милосердия.

– Что с вами, граф? – тревожно спросила та. – Не позвать
ли врача? Вы возбуждены... это вредно для вас... болезнь
может возвратиться, и вы...

– И я умру? Нет, сестра, нет, дорогая! Я не умру, от сча-
стья не умирают...

– А вы счастливы? – с любопытством посмотрела на него
сестра милосердия.

– Счастлив, счастлив... бесконечно счастлив! – ответил ей Михаил Андреевич и закрыл глаза. – Я теперь жить хочу!

– Тогда поздравляю вас... Доктора, конечно, не нужно: счастье – лучшее лекарство от всех недугов.

Она отошла. Нейгоф продолжал лежать с закрытыми глазами. Образ Софьи не покидал его, а еще не изведенное им чувство любви все разрасталось и разрасталось...

Х

В паутине

Здоровье графа Нейгофа быстро поправлялось. Его молодой организм одолел недуг.

– Совсем вы молодцом становитесь, ваше сиятельство! – подшучивал над ним Анфим Гаврилович. – Вас теперь и не узнаешь... Ой-ой! Подозреваю я, что тут не наша латинская кухня виновата... Тут что-то более могущественное, чем вся ее стряпня, подействовало.

Граф смутился. Он и сам чувствовал, как возвращалась к нему сила, крепчал его организм.

Однако хотя тело выздоравливало, душа страдала. Произошел перелом, столь мощный, что в нем исчезал, бесследно поглощался им весь последний одиннадцатилетний период его жизни. Как прежде глубоко похоронен был в Миньке Гусаре граф Нейгоф, так теперь Минька Гусар растворился в воскресшем вновь для жизни графе Нейгофе.

И все это свершило внезапно вспыхнувшее чувство.

«Что со мной?» – спрашивал иногда сам себя Михаил Андреевич, и какой-то голос, исходивший из сокровеннейших тайников его души, отвечал ему: «Ты любишь!»

Так проходили дни.

Софья появлялась у выздоравливающего Нейгофа в каждый приемный день.

– Поднимайтесь, выздоравливайте скорее, граф! – сказала она однажды Нейгофу.

– Зачем? Я желал бы умереть, – ответил он.

– Умереть? Странное желание! Зачем вам понадобилась смерть?

– Тогда со мной навсегда осталась бы чудная греза, в которой я живу.

– О чем же вы грезите?

– О чем? А разве вы, пришедшая навестить меня, Миньку Гусара с кобрановских огородов, вы, чистая, светлая, радостная, разве это не греза? Разве я смел в последние одиннадцать лет своей жизни мечтать о чем-либо подобном? Никогда, слышите, Софья Карловна, никогда ничего подобного не рисовало мне мое воображение даже тогда, когда оно было раздражено... Я пал так низко, что всякое человеческое участие казалось мне несбыточной мечтой.

– Не будем говорить об этом, – кротко остановила его Софья.

– Как не будем?! – горячо воскликнул граф. – Да разве можно не говорить о том, что теперь составляет суть моей жизни? Я сам ни за что не поверил бы, если бы кто-нибудь сказал, что для меня возможен возврат к прошлому. И вот это свершается, это свершилось, и виновница этого – вы!

– Я? – как будто удивилась Софья.

– Да, вы! Ваша ласка, ваше участие воскрешают меня. Я со

страхом думаю о будущем, тогда как еще недавно для меня не существовало настоящего: ведь я уничтожил и свое настоящее, как уничтожил прошлое и будущее. Теперь они воскресли вместе со мной, и этим я обязан вам.

Софья терпеливо слушала Нейгофа, давая ему возможность высказаться, и, когда он умолк, сказала:

– Знаете, что я вам скажу обо всем этом? Я – простушка и не привыкла скрытничать. Мне кажется, я понимаю вас.

– Что вы хотите этим сказать? – удивился Нейгоф.

– Видите ли, я знаю кое-что из вашего прошлого, да и вы сами его не скрывали: вы только что называли себя Минькой Гусаром с каких-то кобрановских огородов... Так?

– Да, – прошептал граф.

– Итак, вы – с кобрановских огородов, а я? Я даже не знаю, откуда я... прямо с улицы... Вы несчастны, несчастна была и я... Мы соединены несчастьем, и я понимаю, как дорого вам всякое внешнее участие. Мне уже пришлось испытать это, когда покойный Евгений Николаевич подал мне руку помощи, вырвал меня из грязи... Вот поэтому-то я пожалела вас. Поверьте, я никогда не разделяла планов Козодоева, и мне казались отвратительными его расчеты на вас, это казалось мне постыдной куплей продажей. Я уже говорила, что возненавидела вас; но жалость к вам, как к такому же несчастному существу, каким была и я, пересилила ненависть. Вы были несчастны, жалки, больны; я тоже несчастна, тоже жалка, потому что после смерти своего приемного отца я осталась

одинокой, беспомощной. Но я была все-таки здорова, и потому – выше вас. Мне показалось, что мой долг прийти к вам и утешить вас... Я пришла и прихожу... и... и еще приду...

Голос Софьи при этих словах зазвучал таким страданием, что Нейгоф с краскою на лице схватил ее руку.

– Что с вами?! – воскликнул он.

– Ничего... так... Это пройдет... Детство вспомнилось... Эта проклятая улица... Никому не нужная, всеми брошенная девчонка, голодная, беззащитная... Знаете ли, граф Михаил Андреевич, – с чувством воскликнула Софья, – знаете ли вы, что мне в то страшное время не раз приходилось, чтобы утолить голод, отнимать у таких же, как я, никому не нужных существ – уличных собак – добытые ими корки хлеба?!

– Бедная, несчастная! – вырвалось у графа.

– Да, да... потому-то я и понимаю несчастье другого... Что вам, милая? – вдруг заметила Софья подходившую к ней с конвертом в руках сиделку.

– Вам, барышня, приказано передать, – подала та конверт.

Софья вскрыла его, и лицо ее изменилось при одном взгляде на содержание записки.

– Простите, граф, я должна уйти, – поспешно поднялась она с табурета.

– Уже! Так скоро? – с грустью проговорил Нейгоф.

– За мной прислали... прощайте, я еще приду, и мы докончим наш разговор...

Она торопливо направилась к выходу. Нейгоф, никогда не видевший ее такой взволнованной, даже испуганной, тревожным взглядом следил за нею.

В дверях она встретилась с незнакомым Нейгофу человеком. Это был Кобылкин. Граф видел, как Софья отшатнулась при этой встрече, видел, что входивший старик, улыбаясь, поклонился красавице. И вдруг неприятное чувство к этому совершенно незнакомому ему человеку овладело графом.

«Кто это? – подумал он. – И как похож на того... Козодова...»

Мефодий Кириллович, пропустив Софью, задержался на пороге. Он даже голову приподнял и наморщил нос, будто обнюхивая палату, а потом направился прямо к койке Нейгофа и, остановившись около него, громко произнес:

– Мое почтение, ваше сиятельство!

– Здравствуйте! Но я вас не знаю! – удивился Нейгоф.

– Будто бы? А впрочем, все может быть... Тогда позвольте представиться. Кобылкин я. Что-с? Вам решительно ничего не говорит эта неблагозвучная фамилия?

Нейгоф много раз во время своего босячества слышал это страшное для всех стоявших «вне закона» имя, но сталкиваться им никогда не приходилось.

– Да, понаслышке я знаю вас, – смущенно пробормотал он. – Что же вам от меня угодно?

– Если хотите – ничего, а то и очень многое-с. Но прежде

всего я пришел справиться о состоянии вашего здоровья. С удовольствием вижу, что вы изволите поправляться.

– А почему это вас интересует?

– Много к тому поводов есть, а наипервейший тот, что я вас с кобрановских огородов вот в это телу полезное учреждение направил.

– Очень вам благодарен, – холодно произнес Нейгоф, – но все-таки не вижу причин...

– К знакомству со мной? Напрасно!.. Еще баснописец сказал: «Хорошие знакомства в прибыль нам». Да вы, ваше сиятельство, совсем молодцом стали! Красавец красавцем! Радуетя душа моя о вас. Неужели отсюда опять на кобрановские огороды? Это было бы обидно... Поддержитесь, ваше сиятельство!.. Ну что хорошего на огородах? Не отрицаю, жизнь и в той среде имеет свою прелесть, но побаловались, и довольно...

– Помилуйте, да вам-то что за дело до меня?

– Есть дело, ваше сиятельство, есть! Я уже имел честь докладывать вам...

– Так говорите скорее, в чем оно... Извините, я прилягу.

– Пожалуйста, не стесняйтесь! С больного какой же спрос? А ведь Козодоев-то умер! – вдруг выпалил он и впился глазами в Нейгофа.

– Да, я знаю об этом, – совершенно равнодушно ответил граф. – Что же из того?

– Ничего... Я это к тому, что покойный, кажется, вашим

хорошим знакомым был.

– Я видел этого человека лишь один раз в жизни, – произнес граф.

– Вот как? А я-то совсем другое думал. Умер он, умер!.. Так, может быть, вы знаете, как он умер?

– Я знаю только, что этого малоизвестного мне человека нет более на свете, – резко проговорил Нейгоф, – а как он умер и от чего – это меня совершенно не интересует.

Кобылкин глядел на него с удивлением.

– Однако, если не ошибаюсь, приемная-то дочка его, эта госпожа Шульц, навещает вас здесь?

– Да, навещает.

– И она ничего не говорила вам о смерти своего приемного батюшки?

– Она сказала только, что он умер и она теперь одинока.

– И больше ничего? – Мефодий Кириллович тихо свистнул. – Те-те-те-те! Вот оно дело-то какое! Та-ак! А вы, граф, видели паука? Да, конечно, видели. А видели, как он плетет свою паутину? Плетет он ее, а как сплетет, так в серединочку и засядет, и ждет, когда глупая муха пролетит и в его паутине запутается. Тут он на нее разом насядет, и давай наслаждаться... высасывать из мухи всю ее внутреннюю сущность. Высосет и бросит.

– К чему все это? – нетерпеливо сказал Нейгоф.

– А так, ни к чему... Бывает, что паук, помоложе да пошустрее, сам не работает, сетей не плетет, а просто выгоняет

из паутины другого... Да и мало ли что еще на свете бывает... Однако вы дремлете... Не смею мешать... Спасибо вам большое...

– За что? – удивился Нейгоф.

– За просветление. Насчет многого вы меня просветили... на путь истинный, так сказать, направили. Прощения прошу за беспокойство. Имею честь кланяться. – Кобылкин почти насильно пожал руку Нейгофу и петушком побежал по проходу между койками. Отбежав несколько шагов, он возвратился и, наклоняясь к графу, шепнул: – А про паучка моего не забывайте... Знание этой – ну, как ее? – инсектологии, что ли, часто для нас, людей, не бесполезно... А за всем тем до свиданья.

Он ушел.

– Надоедливый старик! – чуть не крикнул ему вдогонку Нейгоф. – Что ему было нужно от меня?.. А Софья, Софья! Милая, несравненная, – шептал он, – такая же несчастная и отверженная, как и я... Только бы мне выздороветь!.. Уж я знаю, что мне делать...

XI

В чаду любви

С этого дня выздоровление графа быстро пошло вперед. Нейгоф чувствовал это и радовался.

«Скоро я снова буду на свободе! – мечтал он. – О, как хочу я теперь жить, как манит меня жизнь!.. Как хороша она!»

– Граф, да чего вы так рветесь на волю? – спрашивал его Барановский. – Полежали бы у нас подольше.

– Как чего? – вспыхивал Нейгоф. – Разве там, на воле, плохо? А у вас – та же тюрьма.

– Уж и тюрьма! Нет, граф, больница – не тюрьма!.. Поглядите на себя, что она с вами сделала, какой вы пришли и каким уйдете.

– Я понимаю, что вы хотите сказать... Да, пожалуй, вы правы, – с горечью в голосе сказал Нейгоф. – Чем я был в эти одиннадцать лет? Когда я оглядываюсь назад, на это свое прошлое, меня охватывает ужас. Одиннадцать лет жил на дне! Брр...

– Я боюсь, как бы вы опять не опустились на него.

– Никогда! Доктор, голубчик, если бы вы только могли заглянуть мне в душу, вы увидели бы, что я действительно стал совсем другим!

– Да, перемена в вас очень заметна. Только тут, думается мне, наша больница совершенно ни при чем... Тут виновник

кто-то другой.

– Что вы хотите этим сказать? – смутился Нейгоф.

– Ну-ну, – ласково потрепал его по плечу Барановский. – Не буду, не буду. Ведь я, кажется, в самую деликатную жилку попал? Простите тогда. А все таки это хорошо, я искренне рад за вас! Тело ваше воскресло с нашей помощью, дух же воскрес с помощью чего-то другого, более нежного, более возвышенного. Теперь вам остается, воскреснув, не умирать снова... Но что это? Вы плачете?

Глаза Нейгофа действительно наполнились слезами.

– Да, я плачу! – воскликнул он. – Плачу и нисколько не стыжусь своих слез! Скажите, зачем вы, чужие люди, так добры ко мне?

– Да зачем нам быть к вам злыми?

– Не то... Ведь, знаете ли, семья меня отвергла... От меня отказались из-за сущих пустяков кровные родные; чтобы отомстить им, я стал бродягой, отребьем человеческим.

– Фу, какая глупость эта ваша месть! Видно, вы были тогда очень молоды.

– Мне было тогда двадцать пять лет. Но не в том дело, пусть это было глупо, пусть так. Дело в том, что никто из тех, кого называли когда-то моими родными, пальцем не шевельнул, чтобы заставить меня вынырнуть на поверхность. А между тем вот совсем чужие, как вы, и...

Он оборвал фразу и смолк.

– И эта молодая особа, которая навещает вас здесь? – ска-

зал Барановский.

– Да, и она... Она – чужая мне... А между тем, если я не вернусь туда, где был доселе, этим я обязан ей.

– И дай вам Бог всего хорошего! – с чувством произнес доктор. – Я до сих пор не верил в подобного рода лекарства, а теперь вижу воочию, что любовь – радикальное средство для тяжелейших болезней духа.

За все время разговора слово «любовь» было упомянуто впервые.

– Доктор! – страстно заговорил Нейгоф. – Вы добры ко мне... вы поймете меня... Я, право, не знаю, что со мной... Последнее время я живу как в тумане. Он все застилает, и сквозь него я вижу ее, только ее одну... Вы говорите, это – любовь? Не знаю. Прежде со мной ничего подобного не было. Я не жил, а теперь чувствую, что живу, хочу жить... жить не так, как я жил раньше, а как живут другие... Если это – любовь, да будет она благословенна вовеки! Но я не верю ни настоящему, ни будущему... Мне все это кажется сном, не может быть того, что есть...

– А чего именно?

– Вы знаете, она зовет меня... меня! Вот читайте!.. – и Нейгоф, вынув из-под подушки изящный маленький конверт, подал его доктору: – Читайте!

Барановский открыл конверт и вынул из него надушенную записку. Она была от Софьи.

В ней ничего такого, что могло бы говорить о каком-то

нежном чувстве, не было. Софья просто уведомляла Нейгофа, что по некоторым обстоятельствам она больше навещать его в больнице не может, а просит его, когда он выйдет, сразу навестить ее. Далее следовала приписка. Красавица просила графа никогда ни с кем не говорить о ней, и в особенности хранить в секрете получение этого письма.

– Что же вы тут находите особенного? – сказал Барановский, возвращая письмо. – Все естественно. А вот вы не деликатны. Вас просят хранить секрет, а вы выдаете его первому встречному.

– Как первому встречному? Кому?

– Да вот хотя бы мне.

– Доктор, грех вам! Какой же вы первый встречный? Разве я не обязан вам жизнью?

– Ничем не обязаны! Что же вы намерены делать? Конечно, пойдете?

– Пойду! Не могу не пойти. Если бы меня цепями приковали вот к этим стенам, я и-то пошел бы!

– Ого, как вы! Смотрите, не только с цепями, а даже и с чем-либо более легким поосторожнее. Помните, ваше сердце далеко не в порядке, а сердце – такая нежная штучка, что неделикатного обращения не выносит. Случись что – и замрет, тут вам и капут! Берегитесь! Сильного нервного волнения ваше сердце не вынесет... вот и теперь... ишь, ведь как разволновался! Ну-ка, дайте пульс... – Лицо Барановского стало серьезным. – Так, так, – прощупал он пульсацию. – Те-

перь давайте сердце послушаю. Ничего опасного, а только я выпишу вам успокоительное и уйду. Так нельзя! Ложитесь и постарайтесь заснуть. Ну, до свиданья! Я ухожу!

Нейгоф попытался заснуть, но не мог. Воображение рисовало ему дивный мираж и делало его счастливым... Мечты и грезы, одна другой краше, овладели им.

«Чем я был и чем стал! – думал он. – Да, мое прошлое – тяжелый сон, будущее тоже сон, но сон восхитительный... Она зовет меня... она! Да разве же это – не сон?»

Он вынул письмо Софьи и осыпал поцелуями дорогие строки.

Наконец Барановский нашел возможным выписать Нейгофа из больницы.

Граф, узнав это от доктора, поспешил написать об этом Софье и просил разрешения навестить ее, чтобы выразить свою благодарность за ее участие.

В ответ на свое письмо он получил короткую записку:

«Приходите, буду очень ждать. С.»

В день выписки графа вызвали в контору, и там оказалось, что чья-то неведомая рука приготовила ему необходимую одежду: приличное платье, теплое пальто. В одном из карманов Нейгоф нашел кошелек с достаточной для первого времени суммой.

Слезы благодарности выступили у него на глазах. Он понял, что это Барановский, сам живший на одно жалованье, позаботился о нем. И он не мог поблагодарить его! На все

расспросы о Барановском ему отвечали, что «дикий доктор», поручив своих больных коллеге, ушел рано утром из больницы.

Зато, как только Нейгоф с удовольствием переоделся из больничного халата в переданное ему платье, перед ним появился Кобылкин.

– Честь имею поздравить, ваше сиятельство, с благополучным выздоровлением, – раскланялся он, – рад, бесконечно рад.

– Да вам-то что до этого? – сухо спросил его граф.

– То есть как это что? По-человечески рад. Приветствую! Счастья желаю! Уж вы, конечно, ваше сиятельство, на кобрановские огороды не вернетесь?

– Нет, не вернусь!

– И я думаю, что не вернетесь. Помилуйте, зачем же теперь кобрановские огороды? Фи! Грязь, склизь и босяки... – то ли дело маленькое, уютное гнездышко!.. И тепло в нем, и светло... А тут еще нежная голубка, с нетерпением ожидающая своего сизокрылого голубя... Какие уже тут огороды? Ну их!

– Послушайте, – разозлился Нейгоф, – что вам от меня надо?

– Вы сердитесь, ваше сиятельство, но как идет к вам этот гнев! А мне от вас ничего не надобно, как есть ничего! Это прежде, когда я, так сказать, на действительной службе состоял, вы мне ох как понадобились бы, а теперь – был конь,

да уездили... Посему не желаю вас гневить и спешу избавить от своего присутствия. Честь имею кланяться... Еще раз свидетельствую, что рад вашему выздоровлению, хотя вы как будто другой, более опасной, хворью заболели. Да это ничего, скоро пройдет! Только не позабудьте, ваше сиятельство, присказки моей о паучке и паутинке. Не забывайте, что иной раз в жизни паучком-то и нежная голубка быть может... да еще каким паучищем-то! До свиданья! Заметьте, я не говорю «прощайте»...

Кобылкин еще раз поклонился Нейгофу и петушком отбежал от него.

XII

Кошки и мышки

Нейгоф уходил из больницы с испорченным настроением.

«Почему я не осадил этого нахала? – думал он, выходя за ворота. – Что ему нужно?.. Какими-то загадками говорит!»

Однако это чувство изгладилось, как только граф оказался на улице. Городская жизнь сразу же захватила его. Людские волны струились вокруг неудержимым потоком. Шум, говор, стук экипажей, звонки конок сразу же оглушили графа, закружили его слабую голову.

«Всего, всего этого я был лишен столько лет!.. – с горечью думал он. – Зачем? Что я доказал? Ничего! А ведь думал напугать, утратить, мечтал, что придут ко мне, будут умолять возвратиться. Никто не пришел! А мне понадобилась чуть ли не могила, чтобы снова стать похожим на человека».

Граф взял извозчика, приказал ехать по тому адресу, который был указан в письме Софьи, и через несколько минут уже был у квартиры Шульц.

После похорон Козодоева Софья переехала на другую квартиру, даже на другой край города, так что ничто не могло напомнить Нейгофу об обстоятельствах, при которых они впервые встретились.

– Софья Карловна дома? – спросил он у отворившей ему на звонок горничной.

– Пожалуйста, – с улыбкой ответила горничная, – барышня ожидают.

– Софья Карловна одна? – с тревогой спросил Нейгоф, опасавшийся, что кто-нибудь посторонний помешает ему высказать-то, что он надумал, лежа на больничной койке.

– В настоящее время одна, – последовал ответ, – да и в другое время у них никто не бывает.

– Граф, граф! – раздался из прихожей голос Софьи. – Ведь это – вы? Входите же!

Точно что-то бросило вперед Нейгофа. Он услышал ее голос, он сейчас увидит ее!

– Входите! – еще раз позвала Софья, издали протягивая Михаилу Андреевичу обе руки. – Какой вы добрый, не забыли!

– Я? Забыл вас! Это невозможно! – возразил Нейгоф и припал с поцелуем к руке красавицы.

Они прошли в уютную гостиную, скромно, но со вкусом обставленную.

– Садитесь, – предложила Софья. – Дайте мне поглядеть на вас. Батюшки, да вас узнать нельзя!

– Переменился? – улыбнулся Нейгоф.

– Просто до неузнаваемости!

– Да, Софья Карловна, да! – проговорил Михаил Андреевич, присаживаясь в кресло у преддиванного столика. – Я действительно переменился, и переменился к лучшему... к безмерно лучшему... Я сам вижу, какая пропасть легла меж-

ду тем, чем я был до свидания с вами, и тем, чем я стал теперь, благодаря вам!

– Граф! – остановила его Софья. – Ведь мы же условились не вспоминать этого.

– Я не могу молчать... мне сердце подсказывает слова...

– Оставим это. Вы поправились, покинули больницу. Не будет с моей стороны нескромностью, если я спрошу, что вы теперь намерены делать?

– Не знаю, – сознался граф.

– Как же это так не знаете? Право, я не могу поверить. Неужели вы вернетесь в ту среду, откуда вас только что вырвала судьба?

Граф грустно поглядел на Софью и с горькой улыбкой произнес:

– Может быть! Все зависит...

– От чего? – быстро спросила Софья.

– От того, какой оборот примет дело, которое я задумал в дни своего выздоровления.

– Какое же это дело? – Софья даже наклонилась к Нейгофу, с нетерпением ожидая его ответа. – Вероятно, какая-нибудь новая фантазия? Полно, Михаил Андреевич, бросьте свои замыслы!..

– Нет, Софья Карловна, нет! – то, что я задумал, действительно – фантазия, несбыточные грезы, красивые мечты... Но я вот уже столько времени сплю наяву, Софья Карловна! И хочу, чтобы этот сон длился без конца, всю мою жизнь, или

оборвался, и чтобы страшная действительность вновь поглотила меня... поглотила на этот раз без возврата...

– Вот вы какой?! – протяжно произнесла Софья. – Но что же нужно, чтобы этот ваш сон продолжался?

– Многое нужно! – ответил граф.

Глаза Софьи загорелись. Ее красивое лицо на миг приняло хищническое выражение, но тут же она стала прежней и спокойно спросила:

– Что?

– Софья Карловна! – воскликнул Нейгоф. – Я...

Резкий звонок в передней заставил его смолкнуть.

– Кто это там? – вздрогнула Софья. – Я приказала никого не принимать... Настя!

– Барышня, – вбежала горничная, – там вот их, кажется, – указала она на Нейгофа, – спрашивают. Старик какой-то... строгий такой!

– Какой старик? – поднялась с дивана Софья. – Кто?

– А это я! – появилась в гостиной округлая фигура Кобылкина. – Я! Имею честь кланяться! Простите, мадемуазель Шульц, что я так неделикатно! Ничего не поделаешь: экстренно нужно... Ба, ваше сиятельство! Я так и знал, что вы меня обгоните. Вероятно, на лихаче изволили примчаться?

– Как вы смели ворваться сюда! – воскликнула Софья. – Кто вы такой?!

– Я-то? Да ведь кто я – это вам, мадемуазель Шульц, хоро-

шо известно... да и его сиятельство тоже меня знает, так что всякие представления и тому подобное считаю излишними церемониями.

– Граф, да защитите же меня! Вы видите! – кинулась к Нейгофу Софья.

Граф и без ее просьбы со сверкающими глазами и сжатыми кулаками подходил к Мефодию Кирилловичу.

– Если вы не уйдете сами, – хриплым от негодования голосом крикнул он, – я вышвырну вас за дверь!

– Это меня-то? Совсем, ваше сиятельство, этого не нужно. Пожалейте вы мои старые кости... Вышвырнете – их после и не соберешь.

– Вон! – с еще большим гневом крикнул граф.

– Уйду-с... уйду-с... Сам знаю, что незваный гость хуже татарина... Только я, собственно говоря, не к этой прелестной дамочке явился, – кивнул Кобылкин на Софью, – а к вам... Вопросец один не успел я вам предложить, когда в больнице встретились... Больно уж вы там величественны были!

– Что за вопрос? Или вы не понимаете всего неприличия своего поведения?.. Имеете вопрос ко мне и врываетесь в чужую квартиру!..

– Неприлично-с это, что и говорить! Да где же бы иначе я вас застал? Определенного места жительства вы пока не имеете, а что здесь я вас найду, это я прекрасно знал... Так вот, ваше сиятельство, будьте милостивы, ответьте мне, и я

оставлю вас в покое.

– Софья Карловна, – обратился Нейгоф к хозяйке, – вы позволите? Мой ответ, кажется, единственный способ отделаться от этого господина.

– Верно изволили сказать. Вот и мадемуазель Шульц так же думает: головочкой кивнула, стало быть, вам, ваше сиятельство, можно мне ответить. Скажите, не были ли вы в гостях у Евгения Николаевича Козодоева вечером, перед тем как вас отправили в больницу? Мадемуазель Шульц, что это с вами?

Софья вскрикнула, как только Кобылкин задал свой вопрос.

Граф бросился к ней, но Кобылкин удержал его.

– С этой успеется, – властным голосом сказал он. – Были или не были?

– Прочь! – отмахнулся Нейгоф.

– Был или не был? – совсем грозно наступил на него Кобылкин.

– Был! Пустите!

– И водочку пили, и разговоры по душам разговаривали?

– Да, да! Пустите же, иначе я ни за что не ручаюсь! – Нейгоф, наконец, вырвался от Кобылкина и бросился к Софье. – Дорогая, успокойтесь! – растерянно произнес он. – Вы все еще здесь? – обернулся он в сторону стоявшего у дверей Кобылкина.

– Исчезаю-с! В момент исчезаю-с! Совет да любовь! Имею

честь кланяться, желаю провести время с пользой и, главное, не забывать моей сказочки! – и Мефодий Кириллович вышел, оставив графа около плачущей Софьи.

ХІІІ

Объяснение

Выходя, Кобылкин на минуту задержался у порога с вышедшей запереть за ним двери милостивой горничной.

– Цветик лазоревый, свет Настенька, – шепнул он ей, – от женишка вашего Афанасия Дмитриевича нижайший поклон вам!

– А вы, господин, откуда моего Афоньку знаете? – зарделась девушка.

– Знаю уж! Помалкивайте только... Велел он спросить, когда навестить его, купидона вашего, думаете?

– Ах, какой срам! – заволновалась Настя. – Чужие люди про нашу любовь говорят!.. Скажите, завтра к вечеру забегу.

– Ладно, так и передам. А теперь к барышне спешите. Дверь захлопнулась.

Мефодий Кириллович с минуту постоял на площадке, почесывая в задумчивости переносицу.

«Пригодится девчурка-то, – думал он. – Ладно я сделал, что Афанасия этого успел к рукам прибрать. Теперь свой верный человек при Шульчихе будет. А граф-то, граф! Хорош! Совсем опутан, попался в тенета. Только теперь я убедился, что Козодоева убил не он, и что Шульц с товарищами к оному делу ручки свои приложила. Она, она! Это ясно как божий день... Только кто эти товарищи? Ловко дело ведут:

ни с какой стороны комар носа не подточит... А я вот возьму и подточу! Только придется этого графа предать на волю его собственной участи... пусть в паутине запутается... Вот тогда-то все наружу и выплывет».

Рассуждая так сам с собою, Кобылкин спустился с лестницы, но со двора не ушел, а скрылся под находившимся напротив крыльцом. Там он поднялся по лестнице на третий этаж и позвонил у дверей одной из квартир. Его впустили туда после звонка, как человека, хорошо известного и даже пользующегося уважением.

Нейгоф, как только ушел Кобылкин, сейчас же позабыл о его существовании.

– Софья Карловна, милая, бесценная! Да успокойтесь же, – бормотал он, опустившись на колени около судорожно рыдавшей Софьи.

– Тяжело! Ох, как тяжело! – судорожно вздрагивала она. – За что это? Что я сделала?

– Забудьте! Ну, стоит ли, родная, так расстраиваться из-за всякого...

– Не из-за всякого, граф. Вы знаете, кто это? Он ворвался, ворвался смело... Этому человеку известно, кто я, и он не считает нужным даже скрывать свое презрение.

– Голубушка, да что вы говорите? Что может знать этот человек? Что?

– То, что я одинока, незащищена... Одна, одна... безродная... за меня заступиться некому... Одна я, одна на этом

свете! Ни отца, ни брата, никого...

– Софья Карловна, дорогая моя, позвольте мне...

– Нет, погодите, граф, – остановила графа Софья, – дайте мне говорить... Да, граф, никого!.. Умер Евгений Николаевич, и опять я – всеми покинутая, никому не нужная босоножка... Как в детстве... прошлое вернулось! Прошлое все-то же, только в другом виде... Тогда, в детстве, меня бил, трепал, щипал всякий, кому было не лень, теперь-то же: приходят, оскорбляют кто хочет, когда хочет... Ох, как тяжело!..

– Полно, не смотрите на жизнь так мрачно! – пробовал утешить ее Нейгоф. – Не создаете ли вы сами себе ужасов?

– Нет, граф! Ах, если бы вы только знали!.. Ведь этот ужасный человек не первый раз преследует меня... Вы слышали: он говорит мне дерзости, когда я их ничем не заслужила; он делает какие-то пошлые намеки, когда вся моя жизнь чиста, если не вспоминать моего несчастного детства... Да и в нем нет ничего, что могло бы опорочить меня. Голод, нищета – разве была я в них виновата? А между тем я расплачиваюсь за свои прежние беды... И нет для меня выхода из страшного заколдованного круга, созданного моим несчастным прошлым.

Она опять заплакала. Нейгоф почувствовал, что и у него на глазах выступили слезы. Он взял руку Софьи и поцеловал ее. Софья не противилась.

– Граф! – вдруг воскликнула она, слышав, что часы пробили три. – Вы не обидитесь... у меня просьба к вам...

– Приказывайте! – востроенулся Нейгоф.

– Оставьте меня, уйдите...

– Вы меня гоните! – упавшим голосом произнес граф.

– Нет, нет! Приходите после... вечером... прошу вас! Я хочу успокоиться... побыть одна. Вечером, вечером, граф! Я жду вас, непременно явитесь! Вы не сердитесь на меня? Да?

– Я понимаю вас, – кротко ответил Нейгоф, вставая и беря шляпу, – я сам глубоко несчастен, меня тоже оскорбляли люди... Я понимаю все.

Он поклонился и пошел к дверям.

– Пойдите, – остановила его Софья. – Дайте слово, вы не сердитесь? Придете?

– Да, приду.

– Смотрите же, я буду ждать... Я расстроюсь, если вы не придете. А теперь ступайте и... возвращайтесь.

Граф ушел.

Сразу же после этого Софья подошла к зеркалу, внимательно осмотрела себя и вдруг рассмеялась.

– Однако! – сказала она себе. – Я и не знала, что у меня такой драматический талант. Bravo, bravo! Стасик будет доволен... Настя, Настя!

– Что прикажете, барышня? – появилась горничная.

– У меня сегодня должен быть Станислав Федорович... Чего это вы улыбаетесь?

– Обрадовалась, барышня, столько времени их не видеть было.

– Станислав Федорович уезжал... Так вот, вы больше никого не принимайте, в особенности этого сегодняшнего старика. Как он меня расстроил!.. Чу, звонок! Это – Куделинский. Бегите, Настя, откройте!

Настя поспешила в переднюю.

Как только Станислав вошел, Софья бросилась к нему не шею.

– Стасик, милый! – радостно воскликнула она. – Накопец-то! Как я скучала!

– Уж будто и скучала! Думаю, на скуку у тебя и времени не было.

– Как же не было! Эти противные Квель и Марич покоя мне не давали со своими наставлениями, репетициями...

– Верю, – сказал Куделинский, входя с Софьей в гостиную. – Ну, птичка, чем ты меня порадуешь? Как наше дело?

– Великолепно! Поверишь ли, он у меня вот тут, – сжала Софья в кулачок руку.

– Ого, какая ты у меня! Значит, еще немного – и ты сиятельная особа.

– Не знаю.

– Как не знаешь?

– Так... Боюсь, помешают.

– Кто? Чего же смотрят Квель и Марич. Почему они не уберут помехи?

– Но ты знаешь, вмешался этот Кобылкин.

– Расскажи! – с досадою произнес Станислав.

Софья сообщила ему, что Кобылкин уже не раз оказывался на ее дороге. Она рассказала, как должна была уйти из больницы от Нейгофа и прекратить свои посещения из боязни встретиться с Мефодием Кирилловичем, о появлении которого в палате ее уведомили. Повела она и о том, как своим появлением Кобылкин помешал Нейгофу высказаться до конца.

– Я боюсь его, Стася! – закончила свой рассказ Софья. – Понимаешь, этот человек везде... Он глаз не спускает с этого графа.

– Вполне понятно, – заметил Куделинский. – Этот негодник пронюхал, что Нейгоф был у Козодоева, и подозревает его... Но ведь он бессилён! А все-таки нужно поскорее привести это дело к концу... Скорее, Софья, скорей, надевай на себя графскую корону... Спешите! Это главное; что будет после – увидим...

XIV

Роковой шаг

Слова Куделинского подействовали на Софью успокоительно.

– Милый, так ты не боишься? – воскликнула она.

– Чего? Кого? Уж не Кобылкина ли этого? Пустые страхи! Если я боюсь, так за тебя! Боюсь, что ты не выдержишь до конца своей роли.

Софья рассмеялась.

– Если бы ты, Стасик, посмотрел, – проговорила она сквозь смех, – как я играю эту роль!

– Хорошо?

– Без сомнения, могу сказать: бесподобно!.. Я вполне естественна.

– Или, может быть, чересчур естественна? – подозрительно посмотрел на Софью Куделинский. – Ты сказала: «вполне»? Ой, Сонька, смотри! Ты знаешь, что нас связывает? Берегись! Я не из тех, кто согласен на дележ!

– Милый, что ты хочешь сказать? Какой еще дележ ты выдумал? Уж не ревнуешь ли ты? Нашел к кому ревновать. Этот Нейгоф – мразь, слюнтяй! Он только и умеет плакать, а ты... – Она рассмеялась. – Ты пойми, – продолжала она, целуя Куделинского, – мы, женщины, ценим в вас силу, энергию. Мы любим того, кто силен, а этот трущобный граф...

Тогда, босяком, он был отвратителен, теперь – жалок...

– Но тем не менее ты должна довести свою роль до конца!

– И доведу! Потому что люблю тебя... Неподражаемо сыг-
раю ее, потому что ты этого хочешь... Но помни и ты: я хочу
быть свободной. Вас трое, я одна; я для всех приношу себя
в жертву, так и вы должны потом освободить меня...

– Не бойся! Ты, кажется, имела случай убедиться в спо-
собностях Квеля и Марича.

– Не вспоминай! – глухо произнесла Софья. – Ах, зачем
вы меня тогда позвали!

– Ну, ну, – обнял ее Станислав, – это что же? «Зачем?
К чему?» – все эти вопросы теперь излишни. Пойдем! Ведь
Квель и Марич ждут меня не дождутся.

– Ах, да! Ведь ты только что приехал. Я и Нейгофа нароч-
но прогнала, когда пробило три часа.

– Умно сделала! Зачем нам теперь встречаться? Еще успе-
ем познакомиться. Вот только как ты его прогнала?

– Прямо попросила уйти.

– Смотри, не испортила ли ты дела?

– Не бойся, прибежит, – небрежно сказала Софья. – Я ведь
сказала, что держу его крепко... Ну, ехать так ехать! До ве-
чера немного остается.

– А вечером что?

– Как что? Граф!

– Так! Скорее, Соня, скорее, птичка!.. Я съездил, узнал
все. Недаром мы начали это дело! Еще немного – и мы будем

богаты... понимаешь: богаты! Но путь к богатству лежит через графскую корону, которую ты должна надеть во что бы то ни стало.

– И надену! – задорно воскликнула Софья. – Который раз я это говорю тебе!

Она была хороша в эти мгновения. Воодушевление придало блеска ее глазам, щеки разругались, тонкие ноздри раздувались, грудь вздымалась. Куделинский смотрел на нее с восторгом.

Через несколько минут Софья и Куделинский выходили из квартиры.

– Вы, Настя, – приказала Софья горничной, – когда придет этот господин, высокий, бледный, впустите его и попросите подождать... Только вот что... Пожалуйста, не вздумайте рассказывать ему о Станиславе Федоровиче; скажите, что я одна уехала.

– Помилуйте, барышня, – обиделась Настя, – будто я махонькая, не понимаю!

– То-то! Предупредить все-таки лучше... Больше никого не принимайте. Идем.

Они стали спускаться по лестнице.

– Нехорошо, Соня, что квартира с одним входом, да притом еще на двор, – заметил Куделинский.

– А что?

– Да мало ли на что второй ход может понадобиться? Впрочем, все равно: недолго осталось.

Куделинский был прав: квартира с одним надворным ходом имела свои неудобства.

Как только они пошли к воротам, во втором этаже флигеля напротив захлопнулась форточка, а минуты две спустя на дворе уже появился Кобылкин. Когда он выбежал на улицу, – то увидел, что Софья и Куделинский уже отъехали на порядочное расстояние на извозчике.

– Это что же за барин с барышней, жиличкой вашей, вышел? – спросил он у дежурившего у ворот дворника.

– А не знаю я, – ответил тот, – верно, знакомый какой... В первый раз его вижу... Расходились чего-то к барышне Шульц кавалеры сегодня!

– Да разве так много?

– Чего много! Второй! Допрежь этого не бывало. Барышня скромная, мужчинским духом и не пахло даже, а вот, поди...

Мефодий Кириллович слушал его, как говорится, в одно ухо.

«Никак, “злодей номер первый” на сцену выступил, – размышлял он. – Клубочек-то как будто разматывается. Что теперь делать? К Настюшке пойти? Нет, испугаешь девчонку и все испортишь, а я все равно через Афоньку, жениха ее, все, что нужно, выведаю и вернее узнаю, что за птица этот новый кавалер и как ему наименование. Интересно знать, как она вернется: одна или с ним же? Пойду займу свой наблюдательный пост, может, что и высижу».

Кобылкин вернулся в квартиру, где нарочно для того, чтобы следить за Софьей, снял комнату с окнами, находившимися как раз напротив окон Шульц.

В сумерки со своего наблюдательного поста он увидел, как прошел по двору к Шульц граф Нейгоф.

Михаил Андреевич весь этот день провел на улице. Он упивался кипевшей вокруг него жизнью, на которую до этого смотрел совсем другими глазами – глазами отверженца, видящего в каждом прилично одетом прохожем своего заклятого врага.

Впрочем, он успел подыскать себе сносное помещение, и это обрадовало его, как радует ребенка желанная игрушка. Но, несмотря на всю свою радость, он не мог дожидаться вечера и, как только стало смеркаться, поспешил к Софье.

Ее отсутствие показалось ему зловещим предзнаменованием; он хотел было уйти, но Настя решительно остановила его.

– Барышня прокатиться поехали, – объявила она и сейчас же солгала: – Плакали они очень, как вы ушли.

– Плакала?! – воскликнул Нейгоф.

– Да, очень! Так вот проветриться пожелали. А вас просили дожидаться их. Так и сказали: «Пусть барин непременно ждет, я скоро буду!»

Однако Софья не особенно торопилась. Нейгофу довольно долго пришлось просидеть у нее в гостиной одному.

Было уже совсем темно, когда у входа раздался звонок,

и тотчас после него в гостиную впорхнула Софья, румяная, веселая, жизнерадостная.

– Граф, простите! – воскликнула она. – Я заставила вас скучать.

– Я не скучал, Софья Карловна, – пошел ей навстречу Нейгоф.

– Вот как! Вы, однако, не любезны, и я жалею, что вернулась домой так рано... Но, простите, сейчас! – Она скрылась из гостиной и вернулась уже переодетая в домашнее платье. – Настя, подайте нам чай, – распорядилась она. – Итак, граф, вы не скучали? Позвольте узнать, кто или что услаждало ваше одиночество?

– Мечты, Софья Карловна.

– Мечты! Всегда мечты! Я начинаю завидовать вам и жалеть о том, что не родилась мечтательницей... Тогда бы мое одиночество не тяготило меня... Научите меня, граф, как это мечтают?

– Софья Карловна, научить мечтать невозможно, но-то, что человеку кажется мечтой, иногда сбывается и наяву. Софья Карловна, сегодня вы уже не в первый раз вспоминаете о своем одиночестве...

– Да, да, и оно тяготит меня, – прервала его Софья. – Но вот чай, граф, прошу вас. Настя, кто бы ни спрашивал, меня нет дома... Понимаете? А теперь, граф, возвратимся к нашему разговору. Уж не беретесь ли вы научить меня, как легче снести мне мое сиротство?

– Софья Карловна, – голос Нейгофа дрожал от волнения, – простите меня, я должен, наконец, высказаться. Вы знаете, какую жизнь я вел до сих пор, знаете, что теперь я беден, но, Софья Карловна, пока...

– Ах, граф, что такое бедность! – опять перебила его красавица, обжигая взглядом своих лучистых глаз. – Я с вами была достаточно откровенна, и вам известно, какую жизнь я вела в детстве.

– Потому-то я и осмеливаюсь говорить теперь... Я уверен, что вы поймете меня... Софья Карловна! Вот теперь, сейчас у меня есть единственное достояние – честное, ничем не запятнанное имя моих предков; я сохранил его даже в той страшной грязи, где был... Софья Карловна, позвольте мне отдать вам эту драгоценность, будьте моей женой!

Бледный стоял Нейгоф перед красавицей, протягивая ей дрожащие руки.

Софья молчала.

XV

На кобрановских огородах

Несмотря на то что зима уже установилась, на кобрановских огородах, среди пустырей за Обводным каналом, ежедневно производились работы. С утра появлялись толпы босяков, сторожа раздавали им метлы, лопаты, иные получали вороха рогож, и, запасшись всем этим, они шли к парникам, которые в мороз нужно было тщательно закрывать, а в солнечные, ясные дни освобождать от прикрытий.

Работа была не трудная, заработок ничтожный, но босяки шли на кобрановские огороды охотно, потому что здесь в сторожках и пустых парниках они всегда могли найти себе приют, укрыться от бдительного ока полиции, нередко появлявшейся здесь в целях поимки еще более темных, чем босяки, личностей.

В одно пасмурное утро на огородах кипела работа. Работники разбились на кучки по три четыре человека и работали живо, перекидываясь шутками и бранью.

– Эх, братцы мои, нет нашего Гусара, – вспомнил об отсутствовавшем товарище один из босяков, которого все называли Васькой Зуем.

– Нет, да и не будет, – отозвался другой. – Был Гусар, да вышел.

– Как не будет? Куда ему деться, кроме наших огородов?

– Постой, ребята, – остановил всех Зуй. – Ты почему это, Метла, знаешь, что Гусара больше не будет?

– А потому, что знаю, – огрызнулся Метла.

– Выслали его, что ли? – любопытствовал другой.

– Кабы выслали, так мы знали бы, – заметил Зуй, – слух бы прошел. Ну, Метла, куда Минька Гусар делся?

– А я почему знаю! – опять огрызнулся угрюмый босяк.

– Зря, стало быть, болтаешь... Вот намнем бока, так будешь знать!

– Было бы за что мять! А не за что, так я и сдачи дать могу!.. У меня... во! – поднял Метла вверх увесистый кулачище.

– Эй, вы там, «золотая рота»! – раздался окрик сторожа. – Чего пасти разинули? Живо за дело, а не то...

Видимо, «золотая рота» хорошо знала, что должно последовать за этим «не то». Несколько минут работа у босяков продолжалась.

– А все же любопытно, – вполголоса сказал Зуй, – где наш Минька теперь?

– В больницу его тогда отправили, – ответил сосед, – вишь, хворать вздумал; какие нежности при нашей бедности!

– В больнице его нет, – буркнул Метла, – я навещать бегал... Сказали, выписался и ушел.

– Да где же он тогда? – опять остановился Зуй.

– Черт его знает где! – отозвался Метла. – Только на Вы-

боргской у огородников его тоже нет.

– Да пусть его пропадает совсем, чтоб ему пусто было! – проворчал Метла.

– И-то правда, – поддержал его Зуь, – ежели жив только, никуда не денется: сюда прибежит.

Разговор стих, но тем не менее любопытство было возбуждено. Товарищи вспомнили о Миньке, и теперь казалось, что без него на кобрановских огородах чего-то недостает.

– Метла, – пристал к угрюмому товарищу Зуь, – а почему это ты выдумал, что Гусара больше не будет?

– Да его с дамой видели.

– Кого? Миньку Гусара?

Зуь даже лопату из рук выронил.

– Его самого! С чего это тебя вдруг прорвало?

Зуь раскатисто хохотал, схватившись руками за бока:

– Ох, уморил, до смерти уморил, сивый леший! Ребята!

Слушай-ка!

Время близилось к первому утреннему перерыву работ, а потому сторожа не были страшны босякам. Услышав хохот Зуя, они быстро собрались вокруг него и Метлы.

– Чего гогочешь, рвань этакая? – раздавались удивленные голоса.

– Да Метла со смеху морит: слышь, говорит он, будто нашего Миньку Гусара с дамой видели.

– И с красавицей... А сам-то он – что твой барин разодет: шляпа цилиндр и при перчатках.

– Это Минька-то? Гусар наш?

Шум и крики, пронесшиеся по огородам, прервали этот разговор. От всех парников и гряд к сторожке, стоявшей у входных ворот, бежали люди. Сторожа громкими криками сзывали их сюда.

У сторожки уже собралась толпа босяков. Все стояли без шапок, и на лицах было написано крайнее удивление.

За воротами была видна карета, а среди толпы, резко выделяясь своим изысканно приличным видом, стояли мужчина и женщина.

– Батюшки! – заорал во все горло Зуй при виде посетителя. – Да ведь это Минька Гусар наш!.. Как взглянул я – сразу признал!

Нейгоф – это был он – услышал восклицание и, склоняясь к своей спутнице, тихо сказал:

– Видишь, Соня, помнят, узнают... А ты еще говорила, что я изменился до неузнаваемости. Братцы! – возвысив голос, обратился он к толпе. – Ухожу я от вас... совсем ухожу! Да, одиннадцать лет я с вами прожил и решил, что проститься необходимо. Вот и явился сюда.

– Что же? Милости просим! – слышались восклицания одних.

– За честь спасибо! – выкрикнули другие.

– Вот она, босяцкая натура! – умилились некоторые. – Сейчас видно, что свой брат Исаакий... Не вытерпел и прибежал.

– Теперь пусть отвальную ставит! – перекричал один голос все остальные.

– Будет, будет! – добродушно рассмеялся Нейгоф. – Только погодите, братцы, хочу я слово сказать...

– Скорее, Михаил, – сквозь зубы проговорила Софья, – я уже достаточно налюбовалась этими типами, да и к тому же холодно!

– Сейчас, дорогая, сейчас, – нежно ответил ей Нейгоф. – Так вот что, братцы! Есть пословица у нас: «От тюрьмы да сумы не отказывайся»; так к этой пословице добавить нужно, что и от босяческого звания ни один человек не должен отказываться... Пути к нему ведут разные – и длинные, и короткие, а главный путь, идя по которому никогда в босяческое звание не попадешь, хотя и широк, да прохожих много на нем, тесно очень. Чуть кто споткнется, соседи уже столкнуть норовят, не поддержать, а столкнуть; упавшим же людям только и пути, что в босяки. По себе это знаю. И редко кто, вот как я теперь, на прежнюю дорогу попадает. Трудно это... ой как трудно!.. Чудом разве назад выкарабкаешься. А для меня добрые люди нашлись. И воскрес человек, из мертвых встал! Это я воскрес. И вы можете воскреснуть, поддержитесь только.

– Куда уж нам! – вывернулся вперед Зуй. – Не про нас калачи горячи, масло масляно... А ежели с вами такое случилось, господин, так позвольте вас поздравить.

Он раскланялся, растопыривая свои красные ручищи.

– Спасибо!.. Есть, братцы, с чем меня поздравить! – ласково ответил Нейгоф. – Прежде всего, с тем, что ушел я от вас и никогда более не вернусь.

– Врешь! – проворчал Метла. – Теперь и я скажу: вернешься! Больно высоко залетел, как бы в лужу с высоты не сверзиться.

– А потом, братцы, поздравить меня нужно еще вот с чем. Через свое босячество я и счастье себе великое нашел. Кабы не оно, босячество-то, так не видать бы мне счастья и радости как своих ушей. А счастье мое – вот оно! – указал Нейгоф на Софью. – Это – невеста моя, братцы, она-то меня на путь истинный лаской, участием да словом добрым вернула.

– Урра! – заревели десятки голосов. – С наступающим законным браком честь имеем поздравить!

– Михаил, – заметила графу Софья, – кончай скорей эту сцену... я озябла. Мне, наконец, скучно!..

– Милая, еще одно слово. Зуй, Метла, подите-ка сюда!

Веселый и угрюмый босяки выступили вперед.

– Вот на отвальную, – высыпал им в пригоршни несколько золотых монет Нейгоф. – Это всем, братцы; веселитесь! Зуй и Метла должны на всех поровну разделить.

– Чего делить! – воскликнул Зуй. – Пропьем все... все до копейки у твоего же приятеля, Сергея Федоровича, вот тебе и дележ!

– Ваше дело! – засмеялся Нейгоф. – Только лихом не поминайте.

– А ты что же? Не пьешь? – полюбопытствовал Метла.

Нейгоф отрицательно покачал головой.

– Неужто бросил? Так-таки маковой росинки не пропускаешь? Ведь куда как жаден до зелья был.

– Был, да! – согласился Нейгоф. – А что было, – то прошло и вновь не возвратится. Прощайте, братцы! – вдруг поклонился он в пояс всей толпе оборванцев. – Виноват чем пред вами – простите великодушно. Прощайте! – Он поклонился снова и, выпрямившись, сказал: – Пойдем, Соня!

На глазах Михаила Андреевича блестели слезинки. Софья заметила их и с досадой отвернулась. Они пошли к карете.

Толпа оборванцев, к которым присоединились и огородные сторожа, двинулась за ними. Когда карета тронулась, все эти люди побежали за нею, и их «ура» не смолкало, пока экипаж не скрылся из виду.

– Теперь, братцы ребята, – заорал Зуй, – марш все к Сергею Федоровичу в чайную! Вот они, капиталчики-то сердечные! – забрякал он монетами. – Пропьем все во здравие друга разлюбезного, Миньки Гусара... А работа, ну ее! Все идем, всем дано, все и пропивать будем! Веселись, душа босяцкая.

Через несколько минут чайная Сергея Федоровича уже была полна народом, и в ней появилось разливное море водки. Босяки все более хмелели.

– А как теперь Миньку Гусара по-новому зовут? – спросил у веселого Зуя Сергей Федорович, узнавший о всем про-

исшедшем на кобрановских огородах.

– А кто его там знает, – легкомысленно ответил Зуй. – Как-нибудь да зовут.

Сергей Федорович отошел от него недовольный и зашептался в уголке со своим подручным Дмитрием:

– Видно, повар-то не врал. Минька Гусар и в самом деле граф выходит. Эх! Жив не буду, а его настоящую имя-фамилию узнаю!.. Тогда и все дело, которое я задумал, в шляпе будет! Можно здорово будет руки погреть!

XVI

Супружеское счастье

Нейгоф и Софья обвенчались втихомолку. В том доме, где жила невеста, о свадьбе даже и не подозревали, хотя посещения Нейгофа были замечены и вызвали немало толков.

Молодожены после венца сразу же отправились на Николаевский вокзал и умчались со скорым поездом в Москву, как это заранее было условлено.

В их отсутствие Настя должна была переменить квартиру, обставиться, устроиться так, чтобы «молодые» могли явиться в свое никому не известное новое гнездышко и зажить мирной, полной покоя жизнью.

И Софья, и Нейгоф не знали, не видели, не чувствовали, что за ними постоянно следит недреманное око Мефодия Кирилловича.

Они были еще в церкви, где шел обряд венчания, а Кобылкин уже угодничал перед лицом, выдающим брачные записи.

– Осведомиться нельзя ли? – раскланялся он. – Кто шаферами у брачащихся графа Нейгофа и девицы Шульц?

– А вам зачем?

– Очень нужно-с! Ах, если бы вы знали, как нужно!

Книга, куда только что была внесена брачная запись, оставалась раскрытой, и Кобылкин не спускал с не просохших

еще строк своего упорного взгляда.

– Да вы-то родственник, что ли, будете? – последовал новый вопрос.

– Мм-да! – протянул Мефодий Кириллович. – Конечно, родственник, если считать родство по линии праотца Адама.

– Чужой, стало быть, и даже, как водится, брачащимся незнакомый! Тогда нельзя!

Книга была захлопнута.

– Жаль-с! Очень жаль, но делать нечего... Прощения прошу за беспокойство, – откланялся Кобылкин и вышел в садик ограды. Там он подошел к фонарю и, вытянув манжету, при свете его сделал на ней карандашом пометки. – Шафиров трое, трое, трое, – шептал он. – Дворянин Владимир Васильевич Марич, еще дворянин Станислав Федорович Куделинский и мещанин Антон Антонович Квель. Трое... Трое! Куделинского я знаю – старый знакомый!.. Настюшка – молодец девка, ничего не скрывает!.. Трое – Шульц четвертая... Трое, трое и одна, – промурлыкал он вполголоса. – Так... Я как будто на следу!

Он на улице дождался выхода новобрачных и наблюдал за ними и за их шаферами до того момента, когда они сели в московский скорый поезд.

Нейгоф был бесконечно счастлив, но к его счастью примешивалось чувство некоторого душевного беспокойства.

Софья заметила это.

– Что с тобой, Миша? – спросила она, когда они остались

одни в купе.

– Ничего как будто, дорогая, кроме того, что я бесконечно счастлив.

– Нет, я вижу другое. Тебя что-то беспокоит.

– Устал, – попробовал отговориться Нейгоф.

– Не верю! Михаил, теперь я твоя жена... Между нами отныне не должно быть никаких тайн, секретов.

Граф не отвечал.

– Ну же, Михаил, не порти мне этого дня своей неискренностью! Говори прямо, откровенно, что с тобой? Или ты раскаиваешься, что женился на мне?

– Раскаиваюсь, – чуть слышно произнес граф.

– Несколько позднее раскаяние! – со смехом произнесла Софья. – Об этом вам, граф Михаил Андреевич, следовало подумать раньше... Но все-таки можно узнать причину вашего раскаяния?

– Соня, милая! – воскликнул Нейгоф. – Если бы ты только знала, что у меня на душе!..

– Что же именно?

– Ах, Соня, ад кромешный!

– Удивляюсь, что вы за человек! – пожала плечами Софья. – Вас нельзя понять... – то рай, – то ад... Не разберешь даже, который из них когда в вас пребывает.

– Ты жестока! – простонал Нейгоф.

– Кажется, скоро будут слезы? – перебила его графиня. – И это в первые часы после венца! Право, теперь и я начинаю

раскаиваться, что вышла за вас... Итак, двое кающихся на-
лицо... Недурно для начала!..

– Пойми меня, Соня! – взволнованно заговорил граф. –
Ты чуткая, добрая, ты все сейчас поймешь...

– Но пока ничего не понимаю, а только вижу, что вы пла-
чете! Пожалуйста, вот мой платок! Потом, у меня с собой ва-
лерьянка, спирт... Я как будто предвидела подобную сцену.

– Не надо, Соня, таких слов, умоляю, не надо!

– Но вы все-таки должны сказать, чем я вам не угодила?

– Не ты, дорогая, бесценная, вовсе не ты! Я сам себе не
угодил... Войди в мое положение, погляди на меня со сторо-
ны. Ведь не мы вместе, а я при тебе... Понимаешь, что я хо-
чу сказать: я при тебе-то же самое, что твоя Настя, кучер...

– Не понимаю, ничего не понимаю!

– Ну как же не понимаешь? Ты взяла меня. Вспомни, я
живу на твой счет с того дня, как вышел из больницы. Все
– твое! Ты тратишь на меня свои деньги, тратишь щедро...
Даже тогда, на огороде, я этим несчастным людям дал твои
деньги. А я... я по-прежнему – нищий и... и...

– Ах, вот ты про что! – воскликнула ласковым голосом
Софья. – А я-то думала!.. Ах ты, дурашка милый!.. И это
тебя могло взволновать? Да разве все, что есть у меня, не
твое? А мне покойный Козодоев по завещанию оставил все
свое состояние. Тебе это известно?

– Нет!

– Так вот теперь знай! Ты – мой, мой навеки... Мы крепко

связаны и нашим грустным прошлым, и сегодняшним днем. Не смей беспокоить меня своими глупыми бреднями!

– Соня! – воскликнул граф. – Так вот ты какая добрая!

– Нет, ваше сиятельство, нет, злая я, страшная, свирепая! Вот я вас накажу сейчас, строго накажу, чтобы вы не смели обижать меня в будущем! – воскликнула Софья, и ее руки обвилились вокруг шеи мужа, а на его лоб, щеки, губы посыпались горячие поцелуи.

Нейгоф чувствовал, что все купе кружится перед его глазами. Стук колес звучал где-то совсем далеко; восторг, невыразимое блаженство широкой волной вливались в его душу.

– Ну, довольно! – отпустила его Софья. – Что, милостивый государь? Видите, какая я злая?

Михаил Андреевич опустился перед ней на колени и с благоговением прильнул губами к ее руке.

– Ненаглядная, счастье мое, – задыхаясь от волнения, шептал Нейгоф.

– Что теперь: рай? ад? – засмеялась Софья.

– Рай! Восхитительный рай!

– Прекрасно, очень рада! А теперь, ваше сиятельство, нет ли еще вопросов, которые могли бы мне грозить повторением устроенной сцены? Лучше сразу разрешить все.

– Есть, Соня, – ответил граф. – Ты только не сердись... Ответь мне прямо, как это достойно твоего сердца.

– Без предисловий, я жду!

Голос Софьи теперь был резок и даже груб.

– Видишь ли, Соня... Ты не подумай, что у меня на уме что-нибудь дурное... Нет, нет! Но все-таки мне хотелось бы знать, кто эти молодые люди – Куделинский, Марич, шафера... в особенности Куделинский...

Софья опять рассмеялась, но на этот раз не так искренно.

– Это мне нравится! – воскликнула она. – Мой супруг уже ревнует!..

– Соня! – попробовал остановить ее Нейгоф.

– Да что тут! Ты спроси, сколько раз я видела этих господ? Марича я вижу всего второй раз в жизни, а Куделинского видела чаще... Это клиенты моего покойного благодетеля... Они бывали у него, так как же я могла не видеть их? Я никогда не говорила с ними иначе, чем с гостями. Если я пригласила их быть нашими шаферами, – то лишь потому, что никого более не знаю. А эти люди мне хоть по фамилиям известны... Третьего, Квеля, я совершенно не знаю... А ты... ты... ревнуешь меня, свою молодую, маленькую женушку, к первым встречным... Грех тебе!

И вдруг Софья заплакала.

– Милая, да я не хотел обидеть тебя! – воскликнул граф и заплакал сам, стоя на коленях и смотря на жену снизу вверх влюбленными глазами.

– Станция Любань! – раздался у дверей купе окрик кондуктора, сразу нарушивший идиллическое настроение супругов. – Поезд стоит двадцать минут!

– Мы выйдем, – восторженно вскрикнула Софья. – Право, ты обидел

меня, Михаил.

– Дорогая, разве я хотел...

– Все равно!.. Я прощаю тебе, потому что ты не знаешь меня. Но в будущем воздержись. Мне... очень больны твои подозрения.

Замигали фонари станционной платформы. Задрезбезжали свистки. Поезд стал. Михаил Андреевич и Софья вышли из вагона, и тут же Нейгофу бросилась в глаза красивая, самоуверенная физиономия Куделинского, разговаривавшего с начальником станции.

Станислав Федорович увидел их.

– Верный дружка все-таки проконвоировал молодого князя и княгиню! – воскликнул он, бросаясь с объятиями к Нейгофу. – Хорошо доехали?

– Вы как здесь? – удивился граф.

– С этим же поездом... вскочил в вагон после третьего звонка... Двойная плата и прочие пустяки. Зато убежден, что все благополучно... Софья Карловна, ручку!

Нейгоф невольно устремил взгляд на Софью. На ее лице было недовольное, даже брезгливое выражение.

– Михаил, вернемся в вагон, – произнесла она, беря под руку мужа.

– Но ты хотела прогуляться?

– Нет, холодно! Прошу тебя. Мое почтение, месть Куделинский!

Она первая вошла в вагон. Граф, холодно простившись со

Станиславом Федоровичем, последовал за ней.

Куделинский остался на платформе.

– Ай да Сонька! – проговорил он вполголоса. – Ну и молодец! Какое самообладание! Посмотрим, что это она мне в руку сунула?

Он разжал ладонь. Там был клочок бумаги.

«Больше не показывайся. Опасно. Теленок брыкается. Справлюсь одна!» – было написано на нем.

XVII

Игра с огнем

Поезд уже скрылся в ночной мгле, а Куделинский все еще стоял на платформе и смотрел ему вслед.

«Да, – думал он, – игра заканчивается... выигрыш почти в наших руках... в наших, в наших... Но почему не в одних моих?»

Неожиданное прикосновение к плечу заставило его вздрогнуть.

– Не вы ли господин Куделинский, Станислав Федорович, будете? – раздался позади него мужской голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.